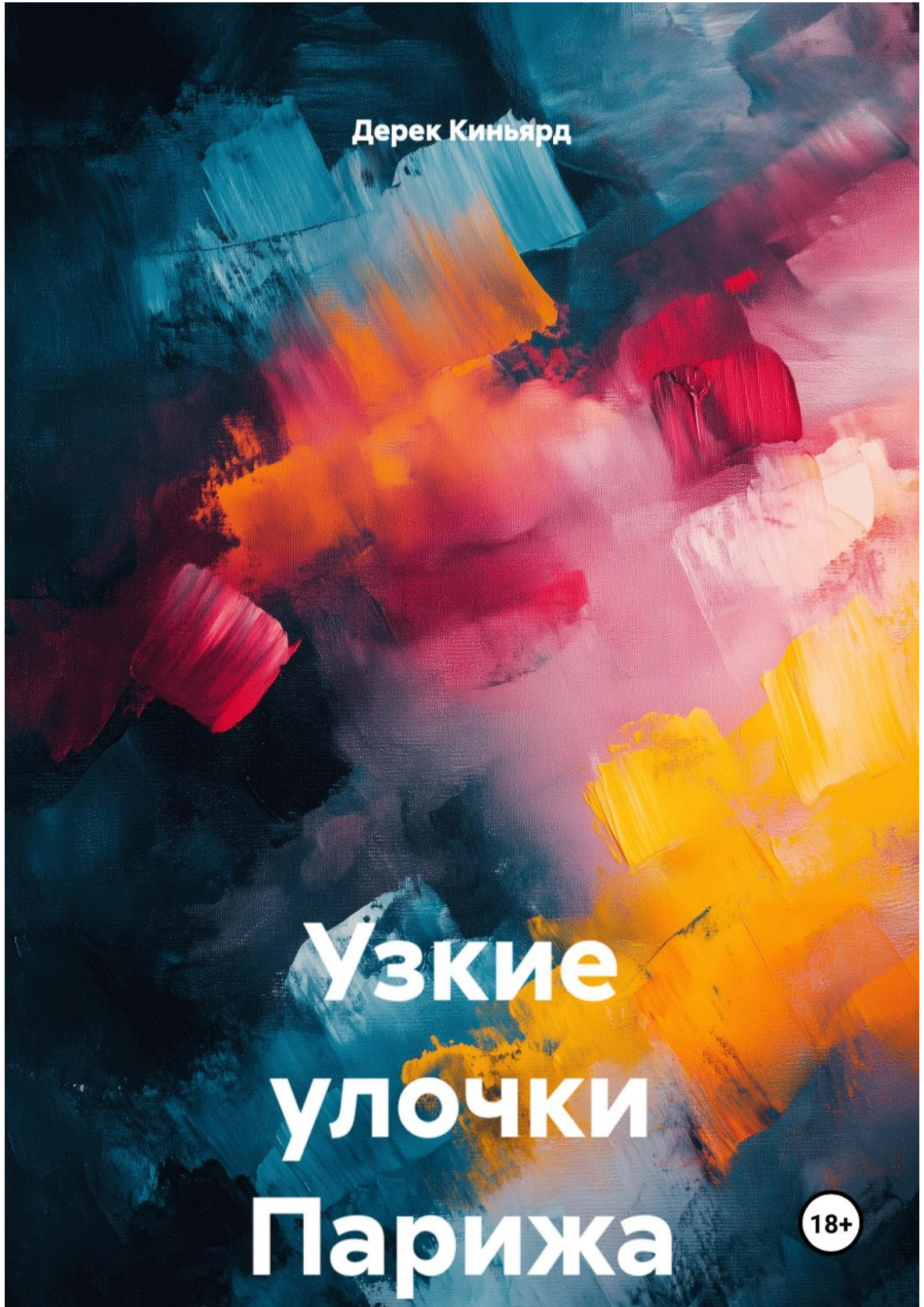

Дерек Киньярд
Узкие улочки Парижа
18+

Дерек Киньярд

Узкие улочки Парижа

«Автор»
2026

Киньярд Д.

Узкие улочки Парижа / Д. Киньярд — «Автор», 2026

Маркус Краузе - человек, чья собственная трагедия совпала с главной ката-строфой XX века. Выросший в униженной Версальским договором Германии, он наблюдает падение Веймарской республики и приход к власти Гитлера. Видя, как меняется страна в попытке вернуть былое величие, Маркус оказывается вовлечённым в эпицентр происходящих событий. Его вера в добродетель догм и постулатов, навязанных немецкой нации, крепнет с каждым днём. Он упоённо кричит "Зиг хайль!", вскидывая руку в римском приветствии и участвует в силовых акциях штурмовиков. Но, со временем, методы нацистов вызывают в нём внутренний протест и отторжение. Он начинает сомневаться в их идеологии и теряет слепую убеждённость в светлое будущее родины. Хрустальная ночь становится для него последней каплей, он бежит во Францию, стремясь оставить позади зло. Но коричневая чума преследует Маркуса и в изгнании. Парижские улочки становятся сначала убежищем, а затем лабиринтом, где переплетаются любовь, предательство и надежда.

© Киньярд Д., 2026
© Автор, 2026

Дерек Киньярд
Узкие улочки Парижа

Главы 1-2

Enge Gassen von Paris
(Узкие улочки Парижа)

Роман - трилогия
(Март 2017 - Апрель 2025)

Автор: Дерек Киньярд

PROLOG
(ПРОЛОГ)
Deutschland! Mein Herz in Flammen,

Will dich lieben und verdammen.

Deutschland! Dein Atem kalt,

So jung, und doch so alt.

Deutschland!

Германия! Моё сердце пылает в огне,

Я хочу любить тебя и проклинать.

Германия! Твоё холодное дыхание
Такое молодое, и вместе с этим старое
Германия!

(Текст и перевод песни Rammstein - Deutschland)

PASSAGIER
(ПАССАЖИР)

Случилось так, что моя история, непостижимым образом, стала зеркалом новой реальности, охватившей весь мир. Личная трагедия обернулась началом эпохи, изменившей судьбы миллионов. Она принесла боль и разрушение, беспощадно скомкав их жизни. Я, притянутый магнитом этой энергии, оказался невольным свидетелем морального падения общества в бездну, втянутым в её водоворот, и познавшим изнутри боль перемен. Погрузившись в трясину коричневой чумы, я чудом избежал гибели, спасённый чистым, светлым и всеобъемлющим чувством, которое в итоге едва не уничтожило меня. Как оказалось впоследствии, это чувство было не чем иным, как всепоглощающим дьявольским огнём, сжигавшим меня изнутри, превращая в чёрный крошащийся уголь всё, к чему я прикасался. А судьба, играющая роль недоб-

росовестной феи, искушающей неожиданными дарами, давала мне то, о чём я и не мечтал. И когда духовность была забыта, а материализация вышла на первый план, судьба потребовала плату, забрав всё и даже больше. Колдунья объявила - за всё надо платить. Это были не безвозмездные дары, а кратковременная ссуда, за которую, и по сей день, я выплачиваю огромные проценты.

Жестокость неотступно преследовала меня. Следовала за мной даже когда я покинул свою многострадальную Родину, униженную и поставленную на колени Версальским договором, истерзанную постепенным падением Веймарской республики, а затем изувеченную и растоптанную нацистским сапогом. Для меня ночь хрустальных витрин стала последней каплей. Да. Жестокость шла по пятам из самой Германии. И если мне удавалось убежать от неё, то я, переставая быть добычей, сам выходил на охоту. Я выслеживал хищницу, приманивая собственными ранами кровоточащей духовности. Превращаясь из жертвы в охотника, я терял страх, осторожность и здравый смысл. Погоня опьяняла, лишая возможности принимать взвешенные решения. Но, столкнувшись с жестокостью, беспринципной и безжалостной, вновь, лицом к лицу, я опять бежал, ибо клыки её были крепче и острее, чем мои нравственные устои и моральные возможности. Наверное, я не знаю точно, эта смертоносная игра давала необходимый уровень адреналина, питала моё стремление к борьбе. А может, мы сосуществовали как неделимое целое. Мне нужно бежать от чего-то, скрываться и таиться, вместе с тем, испытывая необходимость, нет, не выживать, а реализовывать свой звериный инстинкт. Ей же, проверять меня на прочность.

Я рано познал холодное дыхание смерти, с надломом отчаяния пережив утрату близких. И если мне вновь выпадет такое испытание, не знаю, смогу ли я при этом сохранить рассудок…

Всё это явилось результатом того, что я, пересекая Атлантику в поисках новой судьбы сижу в маленькой каюте огромного корабля постоянно мучаясь от морской болезни. Моей спасительницей, отвлекающей от навязчивого недуга, стала портативная пишущая машинка, на которой медленно и неумело отстукиваются эти строки. Хронология прошедших событий со временем частично стиралась из памяти, и я решил доверить свои воспоминания бумаге. Пытаясь писать, не имея совершенно никакого опыта, я ощущал себя маленьким камешком на фоне исполинской глыбы, словно примеряя чужую кожу. Кожу тех, чьи труды я изучал. Но это нисколько не мешало мне, а напротив, позволяло чувствовать себя живым на фоне всеобщего разложения.

В последнее время я много читал. Это помогало не только отвлечься, погрузившись с головой в бесконечную вселенную, но и давало возможность непрерывного саморазвития. Когда-то я почти владел целой библиотекой. А в моей парижской каморке нашлась неплохая коллекция книг, в том числе и запрещённые издания. Я поглощал всё без разбора. От похлёбки, смешавшей в себе научно-философские изыскания Аристотеля, насыщающей голод разума, и едва-ли постижимой атараксии Эпикура, до смелых политических манифестов Карла Маркса. От осознанности духовного и умственного сумасшествия гения Ницше, с его концепцией новой морали, до идеологической словесности «Майн капмф». От дегустации депрессивной мрачности Достоевского, до едкой горечи послевкусия незамысловатых бульварных романчиков. От великих мудрецов, поднимающихся в небо и бросающихся в преисподнюю из-за любви к искомой, вожделенной истине, до аморальной откровенности ханжества и бездарности, впрочем, также имеющих право на существование в своей неприкрытой вульгарности. Будучи уверен - книги плохими не бывают. Не зря же существует латинская поговорка, которой научил меня один знакомый итальянец: "habent sua fata libelli", то есть - книги имеют свою судьбу. Книга бывает неинтересной, нудной, слишком заумной или наоборот очень поверхностной, в силу личностных восприятий. Но, даже в самой посредственной строке заложена определённая мысль. Нужен лишь острый ум, чтобы её разглядеть. С точки зрения софистики, зачастую идущей вразрез с общепринятыми установками морали, в одном, самом обыкновен-

ном и невыразительном, на первый взгляд, предложении порою скрыта целая гамма литературных жанров - полутонов, где каждый может найти для себя всё что угодно.

Чем больше я читал, тем сильнее менялось моё мировоззрение. Взгляд на политику, социальные, экономические и этические институты общества постепенно становился всё более ясным, позволяя формировать своё, пусть где-то ошибочное, и даже местами наивное, мнение. Конечно, многое из прочитанного оставалось непонятным. Пытаясь осмыслить и самостоятельно анализировать тексты, не переставая мысленно дискутировать с самим собой, я постепенно открывал для себя новые, неизведанные горизонты. Мир раскрывался передо мной в более широкой и разнообразной перспективе, в более сложной своей вариации, нежели прежде. Из всех моих книг с собой я взял лишь Гёте. «Фауста». Мне нравилось перечитывать его, всякий раз находя для себя что-то скрытое, незамеченное ранее. На первой странице размашистым, красивым подчерком была сделана карандашная надпись по-итальянски: Per il mio perfetto sconosciuto, Marcus, per l`eterna menoria. Claudio. (Моему идеальному незнакомцу, Маркусу, на вечную память. Клаудио).

Эта книга - подарок одного случайного знакомого, была очень дорога мне. Наша с ним встреча была мимолётной, но оставила неизгладимый след в моей жизни. И хотя, в то время, мы оба действовали исключительно из добрых побуждений, оказывая друг другу услугу, для меня это знакомство закончилось в полушаге от убийства, а для него, при моём непосредственном участии, впрочем, по его же просьбе - и вовсе непоправимой трагедией. Я очень надеюсь, что он всё ещё жив и нашёл ту, которую искал.

Когда мне становилось лучше, я поднимался на палубу подышать свежим воздухом. Безграничные просторы океана дарили мне покой и вдохновение. Меня охватывало чувство печали, когда я думал о том, что при желании мнимое превосходство стихии легко уничтожит человек.

Отгоняя подобные мысли, я наблюдал за пассажирами. Их радостные улыбки и одухотворённые лица вызывали ощущение, что они находятся в процессе исцеления. Мне представлялось, как постепенно разглаживаются морщины, зарубцовываются старые раны, а их внутренний мир наполняется новыми силами.

В отличие от большинства беженцев, плывущих на этом спасительном ковчеге, я не питал иллюзий относительно счастья на земле обетованной. Все они, ведомые собственными мотивами, бегут от войны, в поисках мира. Я же бежал от демонов прошлого, не в силах больше выносить их гнёт, наивно полагая, что они так и останутся там, в давно исчезнувшей реальности. Затеряются в узких улочках Парижа, освободив меня. Но они поднялись со мной на борт. И каждую ночь, когда блики беспокойной воды, проникая через иллюминатор, лунными зайчиками отражались на потолке и стенах моей каюты, призраки заходились в неистовом трансе языческих обрядов, исполняя свои дикие танцы. Мучимый этими кошмарами, я допускал мысль о собственном подсознательном нежелании прятаться от них, как будто намеренно подавая душу, словно блюдо, к их пиршеству. Обескровленная, но еще живая, истерзанная плоть, разорванная беспощадными когтями, стонала от невыносимой боли. И в моменты, когда я едва не терял сознание, на меня снисходило благостное озарение. Сквозь пелену почти физических страданий ещё чуть-чуть и сойдёшь с ума, я снова проживал ту жизнь, которой у меня не осталось. Чувствовал тепло ладошки Клэр, держащей меня за руку, вишнёвый вкус её губ, терпкий, лавандовый запах её кожи, ощущал нежное щекотание её волос на своём лице. И откровение абсолютного счастья, пусть иллюзорно, но возвращавшегося ко мне в эти минуты живой картинкой, сладостной негой поглощало меня целиком. Демоны, прячась по углам, отступали под натиском яркого света моих воспоминаний.

Почему я когда-то влюбился в Клэр? Не знаю. Внешне она не сильно отличалась от остальных немецких девушек. В ней было что-то иное. То, что заставляло обратить на себя внимание. Это что-то держало и не отпускало. Лежащие на поверхности обаяние и шарм, при-

родная харизма, ощущение внутренней силы определённо выделяли Клэр из толпы. Она излучала какую-то малопонятную, но ощутимую энергию.

Немного суженный, к подбородку, овал лица, обрамлённый светло-русыми завивающимися локонами, придающими ей детскости. Чуть насмешливый, выразительный взгляд, нёсший в своей глубине прямое откровение смелости. Лиса, способная дать отпор волку. Её индивидуальность была очевидной. А может, мне так казалось, потому что она не носила этих пошлых баварских косичек, которые были в моде, и не очень любила пиво. Немка, прожившая значительную часть своей взрослой жизни во Франции. Предпочитающая вечернее вино и утренние круассаны с кофе, взамен жирным сосискам с тушёной капустой. В ней удивительным образом уживались два мира. Немецкая педантичность и французская утончённость. Казалось, куда не забросит её судьба, она везде найдёт своё место.

Помню, это был сложный период и трудный выбор в моей жизни. Мюнхенские события захлестнули меня с головой. Я случайно оказался в том кафе, зашёл перевести дух. Заказал пива, надеясь унять нервную дрожь, после стычки с красными. Я сразу заметил Клэр и украдкой наблюдал за ней. Она сидела за соседним столиком и пила, судя по цвету, вишнёвый сок, увлечённо читая книгу. Мне очень хотелось заговорить с этой девушкой, но я с сожалением подумал о том, сколько бы мы, невольно или преднамеренно с моей стороны, не пересекались, хоть десять раз, хоть сто, я никогда не соберусь с духом, чтобы подойти к ней, преодолев свою застенчивость. И именно в тот момент мой, ещё неосязаемый враг, в то время я едва чувствовал его прикосновения, пришел на помощь. Жестокость, своенравно и безапелляционно, вмешалась в мою судьбу, став временным союзником, правда лишь для того, чтобы после больнее ударить. Внезапно на улице раздался взрыв, витрины кафе затрещали под натиском ударной волны. Её рука дрогнула. Я видел, как бордовые капли, падая вниз, кляксами уродуют белоснежные миниатюрные туфельки. Будто что-то прекрасное уничтожают вандалы. Кровь на белом холсте. Смерть и разрушение. Тогда я ещё не подозревал, насколько близок к истине. Молниеносное, на уровне подсознания, движение в застывшем на миг окружающем пространстве. Всё это заняло менее секунды. Оглушающий грохот, пролитый сок, оцепеневшая Клэр, лежащая подо мной. Рванувшись к ней, я ударом ноги опрокинул её столик, создавая дополнительную защиту, и повалил девушку на пол, закрывая собой от опасности. На мою спину посыпались осколки разбитого стекла, к счастью, не причинив вреда. Так мы и познакомились.

Отголоски давно утраченных надежд, укрывая шёлковой тканью ночных грёз, помогали мне безмятежно уснуть. Все мы несчастны лишь до тех пор, пока хотим ими быть.

Гуляя по кораблю, я думал о том, что наверняка, у каждого изгнанника, разделяющего со мной это вынужденное путешествие, были свои тёплые воспоминания. И свои, не менее, жуткие тени. Разница в том, что, похоже, никто кроме меня их не боялся. Искренняя вера в новую жизнь избавляла от страха. Глупцы, стремящиеся в рай, не подозревая, что попадут в ад. Снова. Он будет другим. Но не менее жарким. По одной простой причине. Там, куда мы плывём, нас никто не ждёт. Океан, сегодня спасающий от огня, завтра поглотит своими волнами большинство из тех, кто доверился ему. Безвозвратно утопит тысячи одинаковых историй, стерев даже мимолётный след их существования, погрузив на самое дно. В вечную, безымянную темноту.

Люди повсюду одинаковые и общество в целом тоже. Будь то нацистский режим или капиталистический строй. Каждый индивид стремится к уютному существованию. Собственные интересы всегда будут ставиться выше интересов большинства. Это никак не связано с алчностью, конечно, до определенной степени, или с дурными качествами характера. Материальные блага необходимы. В этом нет ничего предосудительного. Но из прочитанных мною некоторых древнегреческих философов, следовало, что любая власть, какой бы сладкоголосой она ни была - это, прежде всего, насильственное вмешательство в индивидуальное сознание и ограничение определённых свобод. Система, любая система, ломает человека, застав-

ляя его подстраиваться под себя. Именно поэтому я неприемлил ни одну из известных мне форм государственного правления. Фашизм, несмотря на свою главную идею (в узком понимании), сохранения государственности путём национального и социального объединения, защиты граждан - слишком агрессивен, жесток. Но цель - оправдывала средства. Коммунизм - чрезмерно лицемерен, в попытках доказать всеобщее равенство. При этом искусно скрывая, как лоснящиеся лидеры - элита партии, объедаются деликатесами, а их жёны разгуливают на светских приёмах в дорогих мехах. Капитализм построен на обмане, крови и выкачанном поте. В демократию же я вовсе не верил, считая её полной утопией. Какая власть народа? Какие свободные выборы? Какая свобода слова? Фасад. Красивые лозунги. На деле всё то же. Вот здесь господа, а по другую сторону - рабы. Величественный мрамор и большие зеркала против маленьких вонючих кухонек и покрытых плесенью стен. Всегда…

Демократия обладает преимуществом в одном. Она не использует зверства, насилие и устрашение. Она порабощает совсем другим, более эффективным инструментом. Инструментом, который могущественнее самого страшного оружия. Мешком золота можно убить и подчинить куда больше людей, чем пулями и пытками, не утруждая, при этом, свою совесть вопросами этики.

Любая идеология, в конечном счёте, служит одной, всемогущественной международной организации - деньгам. Пожалуй, самому нестерильному, но вместе с тем, самому гениальному изобретению человечества. Деньги в этом противоречии - благородная материя, барометр общественной добродетели.

И ещё я отметил для себя одну важную деталь, подведя под общий знаменатель любую форму правления. Будь то, тоталитарный режим или обещающий полные гражданские свободы. Доктрина молчания, вернее, помалкивания. Ни при какой власти нельзя говорить лишнего. Сортиры везде разные, но вот дерьмо, плавающее в них - одинаковое.

Возможно, я не прав, и мои суждения, по меньшей мере, глупы. В конце концов, лучший способ определить подлинность монеты - это осмотреть её с двух сторон. Вот был бы рядом действительно умный собеседник, такой, как мой знакомый итальянец, объяснил бы, в чём я ошибаюсь, или, по крайней мере, утешил. Слишком уж мрачную картину я нарисовал в своей голове вместо того, чтобы радоваться удачному стечению обстоятельств, позволившим вырваться, пусть и не без потерь, из пылающей Европы.

Конечно, я понимал, мои умозаключения вызваны отнюдь не поиском всеобщей справедливости. Меня беспокоило собственное будущее. Оно было очень туманно. Я не представлял, чем буду заниматься в чужой для меня стране без знания языка, без определённой профессии. И без средств. Моих накоплений едва хватит на пару месяцев, при условии жёсткой экономии, и то, половина этих денег была фальшивой. Не хватало ещё неприятностей с местными властями.

Стоило мне допечатать последнюю строку, подумав о незаконности ввозимых мною ассигнаций, как в дверь каюты постучали. Я аж вздрогнул, едва не подпрыгнув на стуле. Даже представил себе властный голос снаружи: «Откройте, полиция!». И по привычке замер. Через несколько секунд стук повторился. Взгляд задержался на чемодане, в котором, правда, в разобранном виде, был спрятан пистолет. Осторожно подойдя к двери, я прислушался. Тишина. Стараясь справиться с волнением, открыл.

На пороге стоял официант с приклеенной угождающей улыбкой на лице и тележкой, заставленной всевозможными бутылками.

Надо срочно лечить нервы, хватит уже дёргаться от каждого шороха, пора успокоиться и взять себя в руки.

- Good afternoon, sir. Would you like to buy some drinks? - указал он взглядом на тележку.

(Добрый день, сэр. Не желаете приобрести что-нибудь из напитков?)

И хотя моего знания трёх с половиной английских слов хватило, чтобы его понять, я, чуть поразмыслив, попросил его перейти на французский.

- О, прошу прощения, месье, - извинился он, и повторил свой заученный вопрос.

Я мысленно усмехнулся. У Бога определённо есть чувство юмора, во всяком случае, по отношению ко мне. Кем я только не был. По рождению - герр. Как эмигрант - месье. Теперь вот - сэр. Что дальше? Пан или товарищ? Но, с некоторых пор мне нравилось считать, что я отрицаю институт гражданства. Стирать в воображении языковые барьеры, территориальные границы и сглаживать разностороннюю ментальность, находя единую общность. Теперь я - гражданин всего мира.

- А что у вас есть?

- Продукция многих стран, - не без чувства гордости, заявил он.

- Американский, ирландский, шотландский виски. Бренди. Пиво. Немецкий шнапс. Французский коньяк. Различные вина и ликёры. Даже русская водка. Если у вас есть какие-то предпочтения, я принесу из ресторана.

Да уж, пир во время чумы. Американские и европейские понятно. Но вот откуда у них русская водка? Да ещё в таких количествах, что её спокойно можно продавать на большом корабле. Лишнее подтверждение моих недавних рассуждений.

Всё перечисленное я пил. Единственное, чего никогда не пробовал, так это виски.

- Пожалуй, я возьму виски. Но совершенно в нём не разбираюсь, не могли бы вы мне посоветовать?

- О, конечно, месье. Прошу простить мою бестактность, но, кажется, вы испытываете легкий дискомфорт от качки. Рекомендую вам это. Поверьте, очень помогает.

Он протянул мне бутылку ирландского Bushmills. Повертев её в руках, я согласно кивнул.

- Спасибо. Я возьму.

- Рекомендую приобрести сразу две. Путь у нас неблизкий, - с серьёзным видом сказал официант.

Ловкач. Но он прав. Плыть нам ещё очень долго. Правда, у меня с собой оставалось две бутылки коньяка и французское вино, подаренное Аделаидой, но да ладно. Много не мало, рассудил я.

- Хорошо. Давайте две. Сколько с меня?

Цена была заоблачной. Если так пойдёт дальше, то мне и на неделю не хватит денег. Надо быть осторожней в тратах. Скрепя сердце, я выдал ему чаевые. После этого он протянул мне ведёрко со льдом. Я отказался.

- Благодарю вас, месье, - чаевые исчезли в нагрудном кармашке его формы.

- Кстати, сегодня вечером, в нашем ресторане на верхней палубе, состоится шоу программа. Артисты, музыканты. Может, хотите забронировать столик?

- Я видел афишу, когда гулял. Не нужно, спасибо. Но я обязательно приду, - соврал я, никуда не собираясь.

- Могу я ещё быть вам чем-то полезен?

- Спасибо. Больше ничего. Пойду дегустировать.

- Понимаю, - улыбнулся официант. - Приятного вам отдыха и путешествия, месье, - он вежливо поклонился и покатил свой бар на колёсиках дальше по коридору.

Борясь с чувством раздражения от собственной нервозности, я, пытаясь сосредоточиться, снова сел за работу. Но настрой был потерян. Примерно через полчаса, я гневно отправил несколько страниц печатного текста в мусорную корзину. Прилёг, чтобы успокоиться и незаметно для себя провалился в сон. Днём демоны ночи были бессильны.

****

Проснулся я только под вечер, разбуженный гулкой музыкой. Умылся, сел за стол и, откупорив первую бутылку, плеснул немного в стакан. Понюхал. Запах был приятный. Сделал небольшой глоток, покатал жидкость во рту, смакуя. Затем проглотил. Обожгло. Вкус мне понравился. Надеюсь, на берегу этот напиток стоит гораздо дешевле. Выпив несколько порций, чуть захмелев, я попытался продолжить писать. Но навязчивая мелодия, доносившаяся сверху, отвлекала. Судя по всему, праздник набирал обороты.

Может мне действительно стоило посетить это шумное мероприятие. Я так долго был в затворничестве, не желая ни с кем общаться, что привык оставаться наедине со своими мыслями и не хотел никого видеть. Мне стало казаться, что по-настоящему человек свободен лишь в полном одиночестве. Но оно, к сожалению, пожирает изнутри, вызывая зависимость. Со временем становишься его заложником. Добровольным узником бессловесного пространства. Возможно, настало время выйти на волю. И судьба, в который раз, посылает очередную подсказку, что мне просто необходимо развеяться, завязать с кем-нибудь непринуждённую беседу, может даже потанцевать. Поставить точку в своём отшельничестве и аскетизме. Оставить прошлое в прошлом. Отдаться безумству настоящего и жить заново в гармонии с окружающим социумом. При этом я допускал мыль, что это вовсе не судьба направляет меня, а жидкий ирландец.

В конечном итоге, я решил прислушаться и пойти, хотя бы попробовать. Просто осмотреться. Собираясь, я помыл голову, уложил волосы, побрился, удалив двухдневную щетину, брызнул немного одеколона на шею и тут же столкнулся с проблемой. У меня был всего один повседневный костюм, да и тот не первой свежести, все свои новые вещи я оставил у Клэр. Придирчиво осмотрев себя в зеркале, я испытал глубокое недовольство своим внешним видом. Ладно, сяду где-нибудь в уголке, не на виду у всех. Меня никто не знает, и вряд ли я привлеку внимание. Выпив для уверенности ещё немного виски, да, определённо, этому напитку суждено стать моим алкогольным фаворитом, я отправился в свой крестовый поход.

Немного нервничая, я подошёл к входу в ресторан. Два лакея услужливо распахнули передо мной двустворчатые двери, выпустив наружу поток раскалённого воздуха и грохот праздничного веселья. Попав внутрь, я был мгновенно оглушён. Резкий запах спиртного смешивался с ароматами разнообразных женских духов и запахом пота. Я на мгновение застыл. Часто моргая, стараясь справиться с режущей дымкой табачного облака, я попытался рассмотреть происходящее. Через пару минут я привык к окружающей обстановке. Звуки уже не казались чрезмерно высокими, запахи сами собой растворились, зрение восстановилась. То, что предстало перед моим взором, я могу описать только одним словом, хотя сам не понимаю до конца его значения. Но другого эпитета не подберу. Бурлеск!

Здесь всё смешалось в едином порыве необузданной страсти и всеобщего ликования. Беззаботной радости. На светлых лицах не осталось и следа от перенесённых невзгод и лишений военных лет. Улыбки, смех, искрящиеся от восхищения глаза были повсюду. Оркестр задавал бешенный ритм. Мне показалось, что я попал на другую планету или, раздвинув неосязаемые рамки неподвластные разуму, оказался в иной реальности. Социальные условности и границы, как нечто неуместное, были растоптаны каблуками гостей, кружащихся в общем безудержном танце. Девушки в ярких, блестящих нарядах, дамы, более сдержанные в своих вечерних туалетах, мужчины в дорогих костюмах, дымящие сигарами и молодые люди, не стесняющиеся своих истоптанных ботинок, сегодня здесь все были равны, одурманенные атмосферой торжества.

Будучи человеком, подверженным эмоциям, я почувствовал, как меня постепенно захватывает радостная эйфория, духовное воодушевление. Я уже давно не испытывал ничего подобного, утопая в своём безутешном горе и самоистязании. Вот то, чего мне не хватало. Ощущения праздника. Причём, даже не для себя. Сейчас я был пропитан чувством всепоглощающего счастья от окружавших меня людей, источающих позитивные флюиды. Благодаря этому лёд

внутри таял с невероятной скоростью, освобождая место для разноцветной радуги. Наверное, именно с этого момента, а не с посадки на корабль, следует начинать отсчёт следующего этапа моего «путешествия». Очередного витка спирали, о которой и мечтал когда-то. Мне удалось разорвать порочный круг. И именно таким лёгким, воздушным, сверкающим разноцветными огнями, наполненным восторгом и должно быть начало новой вехи. Запятой, а не точкой в моём авторском произведении под названием «жизнь».

В Лиссабоне на борт поднялся один пассажир, в Нью-Йорке с него сойдёт совершенно другой.

Слева от входа, вдоль всей стены, тянулась барная стойка. За ней на подсвеченных полках, притягивая взгляд, выстроилось невероятное количество бутылок разных цветов и форм. Официант не врал, когда хвастался местным изобилием. Изначально я планировал разместиться где-нибудь в незаметном для остальных месте. Но пустующих углов здесь не было. Да и необходимость в них сама собой отпала. Больше мне это не нужно. Теперь же, напротив, я хотел находиться в самой гуще событий, наблюдать за всем происходящим, не упуская ни одной мелочи, быть не зрителем, а непосредственным участником. Протиснувшись к бару, я занял место за стойкой и осмотрелся. Над баром и по всей правой стене прилепился балкон со отдельными столиками для пассажиров первого класса и тех, кто мог позволить себе дорогое, приватное обслуживание. Слева от меня находилась специально оборудованная галерея с подсвеченными изнутри стеклянными непрозрачными ширмами, за которыми в шляпах-цилиндрах грациозно двигались танцовщицы. Их тени изящно извивались в такт музыки, вдохновляя тех, кто заходился в экстазе на танцевальной площадке, занимавшей собой всё свободное пространство. Противоположную от бара стену занимала широкая сцена под арочным сводом. На ней музыканты, все одетые в белоснежные костюмы, виртуозно извлекали из своих инструментов невероятную гамму звуков, заставляющую увлечённо колыхаться людское море в центре. Вся эта феерия была одним живым организмом, дышащим в унисон с музыкой.

- Добрый вечер, месье, - услышал я знакомый голос.

Обернувшись, увидел улыбающееся лицо официанта, который приходил ко мне с передвижным мини-баром. Теперь он был на посту бармена.

- Хай, - поздоровавшись на американский манер, пора привыкать, поднял я руку в приветственном жесте.

- Спасибо, что пришли. Как вам у нас? Нравится?

- О, да! Всё это просто невероятно, - обвёл я рукой вокруг.

- Спасибо. Приятно слышать. Что будете пить?

- Кстати, спасибо за совет. Виски мне очень понравился. Я раньше никогда его не пробовал. Не в смысле именно Bushmills, а виски вообще.

- Серьёзно? - удивился он.

- Да, так уж сложилось.

- Что ж, тогда поздравляю с открытием. С расширением границ познания, - пошутил бармен-официант.

- Поэтому, начну с виски, - я знал, что это очень расточительно, но поддавшись своему собственному, если угодно, перерождению, решил сегодня не экономить и побаловать себя.

- Только налейте мне другой сорт. Хотелось бы попробовать разные вкусы. На ваше усмотрение.

- Ну, в таком случае, это. Рекомендую начать новое знакомство с классики. Старина Джек, - он показал мне бутылку Jack Daniels. - Очень популярный сорт во всем мире.

- Давайте его.

В этот момент, на пустой стул рядом со мной шумно плюхнулась девушка. Именно плюхнулась. Видимо, разгоряченная плясками, она тяжело дышала и вытирала салфеткой пот с вис-

ков. Выпавшие из её причёски пряди волос прилипли ко лбу, а яркий, но неброский макияж, плакал потёкшей с ресниц тушью, изображая вечно грустного, меланхоличного Пьеро.

Говоря по-английски, она заказала себе какой-то замысловатый коктейль, голубого цвета, и залпом его выпила.

Повернувшись ко мне, и задорно подмигнув, спросила:

- Hi. How are you? Are you from? (Привет! Как дела? Ты откуда?)

- Sorry. I don't speak English, - извинился я. (Извините, я не говорю по-английски).

- Ваш Джек, месье. Добавить льда или снова не нужно? - вмешался бармен.

- Теперь добавьте. Попробую с ним, - согласился я.

- О! Freeench, - весело, нараспев, протянула она.

- А откуда именно? У тебя необычный акцент. Нормандия? - перешла она на французский.

К подобному вопросу я подготовился заранее. Я вовсе не стеснялся своего происхождения. Но совсем не хотелось вызывать неприятные воспоминания у, преследуемых нынешними властями, людей. Лишь только немец без труда определит моё баварское произношение. Для любого иностранца я говорю просто, на немецком языке.

- Нет. Я не француз. Я из Австрии.

- Можно и по-немецки, - девушка с легкостью перешла на мой родной язык.

Я неловко поёрзал на стуле.

- Видите-ли, на этом корабле я предпочитаю разговаривать на французском. Надеюсь, вы меня понимаете. Все эти люди вокруг…

Посерьёзнев, она внимательно посмотрела мне в глаза и кивнула.

Улыбнувшись, я пальцем показал на свои глаза, а потом на её. Она, открыв сумочку, достала круглое зеркальце.

- Боже, какое чучело! - воскликнула она. - Мне срочно нужно в дамскую комнату!

Мой знакомец, бармен, указал ей направление.

- Excuse me, - мимоходом кинула она, и убежала.

Я посмотрел на бармена.

- Ladies…, - многозначительно закатив глаза, отреагировал он.

Когда она вернулась, приведя себя порядок, я, желая поскорее сменить щекотливую тему, перейдя на «ты», поинтересовался:

- А ты откуда?

- Американка.

Я удивился. Что она-то тут делает? Решил, при поверхностном знакомстве спрашивать об этом неуместно.

- Ты знаешь столько языков, и свободно говоришь, как тебе это удаётся?

- Ну, это ещё не все. Не буду скромничать.

Она растопырила пальчики и принялась их загибать.

- Английский, ну это само собой, немецкий, французский, русский, итальянский, немного понимаю по-испански, по-португальски ну и ещё так, по мелочи. В этом нет никакого секрета. Я полиглот. Мне очень легко даются языки. Такой уж родилась. Да и профессия даёт возможность постоянно практиковаться.

- Ого, даже русский! Я слышал, это очень сложный язык.

- Тут как раз всё просто. Мои родители эмигранты из России. Так что с этим проблем не было. Я его с детства знаю, мой второй язык.

- Здо́рово! Так, а кем ты работаешь?

- Журналист. Вернее, я бы сказала, военкор международник. Бываю там, где жарко, и я не про погоду. Вот и в Лиссабон ездила, готовлю материал про беженцев, пострадавших от войны.

Сегодня вечер открытий и удивлений. Я был поражён. Глядя на неё, никогда бы не догадался, чем она занимается. Обычная девушка, каких миллионы. Скорее продавщица в магазине или машинистка. А тут такое! И не глупа, чувствуется образование.

Мы заказали ещё выпивки. Я взял пива, решив повременить с виски из соображений экономии, она - снова какой-то причудливый коктейль, на этот раз оранжевого цвета. Отхлебнув, я перехватил её лукавый взгляд и, шутливо умоляюще, сказал:

- Только прошу, без стереотипов.

Она рассмеялась в ответ.

- Шэрил, - протянула руку, - меня зовут Шэрил.

После знакомства с Клаудио, я уже почти перестал обращать внимание на подобные случаи иронии и невероятных совпадений. Каждый раз, когда нечто подобное происходило, я мысленно говорил Богу что-то вроде: «Браво, очень смешно». Я знал, что значит в переводе с английского слово «cherry». Вот и сейчас пытаясь скрыть своё изумление, я сделал большой глоток, и в ответ чуть сжав её ладонь, представился:

- Маркус.

- Nice to meet you. Ой, прости. Рада знакомству, - не переставая улыбаться, сказала она.

- Я думал, у тебя какое-нибудь странное русское имя.

- Да. Так и есть. Родители меня зовут Катя.

- Как? - переспросил я.

- Е-ка-те-ри-на, - по слогам, на русском, повторила она.

Я попытался произнести вслух. Вышло не очень удачно.

- Необычное имя. Что оно значит?

- Не знаю. Просто имя и всё, - пожала Шэрил плечами.

- А почему тогда Шэрил?

- Американское имя благозвучнее для карьеры.

Тут меня посетила одна мысль, и я решил проверить на прочность свою теорию.

- Шэрил, а твой отец, случайно, не военный?

- Нет, с чего ты взял? Бизнесмен. Средней руки, скажем так. А почему ты спрашиваешь?

Один - один, послал я невербальный импульс в небеса.

- Да так просто. Проявляю искренний интерес, - отшутился я.

Мы чокнулись и выпили.

- А у тебя в Америке родственники или друзья? - спросила она.

- Нет. Никого. Я такой же эмигрант, как и все эти люди. Плыву навстречу неизвестности.

Сказав это, я внутренне сжался. Сейчас она спросит, почему покинул дом. Этот вопрос был мне неприятен. Не хотелось отвечать на него. Я молился про себя. Пусть она не спросит. Пожалуйста! И она не спросила!

- А родители, семья? - вместо этого поинтересовалась она.

- Я один.

Мне очень импонировало то, что Шэрил доставало сообразительности и такта не задавать лишних вопросов.

- Где решил обосноваться? Чем займёшься?

- Пока не знаю. Разберусь на месте. А ты где живёшь?

- В Нью-Йорке и живу. Там же и работаю.

- Интересная у тебя, должно быть, работа. Много, где ездишь. Хотя, как я понял опасная.

- Ну, не опаснее, чем строить небоскрёбы, например. С детства боюсь высоты, - зажмурившись, махнула она рукой.

- Надо же. Я тоже, даже думать боюсь.

- А ты знаешь, кто строит эти небоскрёбы? Крепит всякие металлические конструкции на самом верху.

- Нет, конечно.

- Native Americans. Iroquois. Mohawks. Я не знаю этих слов на других языках, - и она постаралась объяснить жестами то, о чём говорила.

Когда я догадался о чём, точнее о ком, Шэрил пытается сказать, то невольно поёжился. Я помнил, как сегодня называют Лиссабон. И будь мы сейчас в Европе, я бы ни секунды не сомневался, что передо мной - подосланный шпион, настолько тема её беседы попадала в яблочко. Причём, вот так, сразу, едва познакомившись. Это совпадение, в отличии от первого, мне совсем не понравилось. А вдруг, так оно и есть? И мой скептицизм более, чем оправдан? Только вот, целью едва-ли был я. Кому я теперь нужен. Возможно, Андре. Он, без сомнения, был значимой фигурой. А я - приманка? Хотя, слишком непрофессионально, вот так вот прямо в лоб? И кто мог знать об увлечении моего друга? Кто, кто! Да кто угодно! Насколько я знал, тайны из этого Андре не делал. Но, заходить настолько издалека, где в этом логика? Вопросов больше, чем ответов. Надо быть начеку. Но, как это проверить? Всё-таки я не агент разведки, меня не обучали таким вещам. Ладно, сейчас успокоиться. В жизни есть место любым неожиданностям. Уж в этом-то я уверен на сто процентов. Не выдавая своей тревоги, я продолжил беседу.

- Capisco (Ит. я понял), - пытаясь произвести впечатление, ответил я.

- Oh, conosci l'italiano? (Ит. О, ты знаешь итальянский?).

- Si, certo. Sono bravo. (Да, конечно. Вот такой я молодец).

Шэрил одобрительно закивала.

Я выдержал небольшую паузу и рассмеялся:

- Нет, на самом деле всего несколько слов.

- А я, дурочка, поверила, - ответила она и тоже засмеялась.

- Это будет звучать так. Индейцы, ирокезы, могавки. Я знаю, кто это.

(Ирокезы - это не отдельный народ. Это объединение нескольких племён в единую лигу. Могавки одно из них. Прим. автора).

- Спасибо. Представляешь! У них абсолютный иммунитет к высоте. Вернее, к боязни высоты, как выяснилось. Они могут спокойно разгуливать по этим балкам, на самом верху, будто идут по тротуару. Вот такой природный феномен.

- Ничего себе. Даже трудно поверить.

- Согласна, особенно учитывая нашу с тобой, общую, фобию. Но это так.

Неожиданно наша беседа прервалась, вышедшим на сцену конферансье. Он с пафосом объявил имя незнакомого мне артиста.

- Дамы и господа! Встречайте! Мистер Тиль!

Все вокруг бурно зааплодировали.

- Обожаю! - сквозь общий шум, крикнула мне Шэрил.

Свет в зале погас. Помещение погрузилось в кромешную темноту, чуть приглушённо освещался только бар за нашими спинами. Зрители замерли в ожидании. В полной тишине слышалось тиканье наручных часов. Так прошло секунд тридцать. Затем, давящий на психику и воображение, вакуум разорвала барабанная дробь и по переднему краю сцены взметнулись искрящиеся столбы пламени. Раздался хлопок и в дыму, прямо посередине эстрады, возник силуэт человека, одетого во всё чёрное. Чёрный кожаный плащ полностью скрывал фигуру. Чёрная шляпа и чёрная маска, эпатажно сохраняли инкогнито артиста. Он медленно поднял руки и одновременно с этим движением, сцена по бокам, слева и справа, выплеснула очередную порцию огня. Дробь постепенно стихла. В полной тишине, без музыки, артист запел, исполняя какую-то лиричную, берущую за душу песню на неизвестном мне языке.

Боже! Я никогда не слышал ничего подобного. Голос лился словно чистый венецианский хрусталь, невероятным образом проникая в рассудок, согревая тело изнутри. Я не разбирался в музыке, но его пение заставило меня дрожать от восторга. Когда песня закончилась, вновь

прозвучал хлопок и артист исчез также, как появился, в клубах дыма. Пламя погасло, зал снова окутала тьма. Толпа стояла неподвижно, очевидно, испытывая те же чувства, что и я.

Внезапно зажёгся свет. Ярко освещённая сцена обнажилась. В своей наготе она предстала перед нами всё теми же музыкантами в белых костюмах и чёрным певцом. Первые, с энтузиазмом начали играть темпераментную мелодию, а певец, рывком сорвал с себя сначала плащ, затем шляпу с маской. Пораженный, я сидел с открытым ртом. Это была женщина! Коротко стриженая брюнетка, облачённая в мужской чёрный фрак и белую сорочку с чёрным галстуком - бабочкой на шее. Над верхней губой у неё были нарисованы усики - ниточки. Она необычно двигалась, исполняя быструю, захватывающую песню. Вся танцевальная площадка в едином порыве пыталась копировать её движения.

Я с недоумением посмотрел на Шэрил.

- Как тебе преображение? Ты и правда не знаешь, кто это такая? - спросила она.

- Нет, - помотал я головой.

- Ну, ты даёшь! Это же Фрида! Известная на весь мир, мексиканская певица. Выступает под разными псевдонимами в зависимости от шоу-программы. Она постоянно меняет образы, каждый раз удивляя зрителей.

- А почему объявили, что выступает мистер Тиль?

- Я же говорю, разные образы.

- Никогда не слышал о ней, - чувствуя себя глупо, отреагировал я.

С другой стороны, почему я должен испытывать неловкость от незнания какой-то модной певицы? Знала бы Шэрил, что всего лет пятнадцать назад я воровал и лазил по помойкам в поисках пропитания. Да, что там лет, неделю назад, я жил и трясся от страха на чердаке.

- Пойдём танцевать!

Шэрил вскочила и потянула меня за руку. Я пытался отказаться, заверяя, что не умею. Но её настойчивость победила мою неуверенность. Она, буквально, тащила меня за собой, пока мы не оказались в толпе.

- Давай! Расслабься. Смотри на меня и повторяй, - задорно кричала она.

Всё повторялось, точь-в-точь, как когда-то в парижской квартире Андре. Только сейчас танцевала не Клэр…

Мне было ужасно стыдно за свои угловатые, нелепые движения. Шэрил же полностью отдавалась танцу. Получалось у неё очень слаженно и динамично. Минут через двадцать, к моему облегчению, она, запыхавшись, предложила вернуться в бар. Я с радостью согласился.

Слегка помятые в толчее, тяжело дыша, мы уселись у стойки и, продолжая выпивать, возобновили беседу.

- Нравятся песни? - спросила Шэрил.

- Ну да. Очень зажигательные.

- А знаешь, в чём главная изюминка? Её имя. Оно произносится, как Фрида. Но пишется двумя словами. Английским free - свобода, и русским словом: да - означающим полное согласие. Как yes или si. Или по-немецки…

- Спасибо, я понял, - остановил я её.

- Извини.

Шэрил взяла салфетку и, попросив карандашик у бармена, написала: free-да.

- Наверное, в этом есть определённая философия, реакция на прожитую жизнь, - рассмотрев надпись, предположил я.

- Возможно.

- А она не коммунистка?

- Не знаю, а для тебя это проблема?

ТЕПЕРЬ уже нет, подумал я, а вслух ответил:

- Нет. Конечно, нет. Просто необычная игра слов, получается: да - свободе. Очень уж напоминает социалистический лозунг. Знаешь, из разряда того, когда у человека пусто в карманах, в смысле нет денег, то в его глазах неутихающим и неистребимым пламенем горит социализм. Также и с её именем, угадывается некая революционность.

- О! Маркус - философ?! - деланно удивлённо, сказала она.

- Нет, нет, нет, - отмахнулся я. - Мне как-то довелось прочитать одну пьесу, кстати, русского автора. Не помню его имени. Вот там была изложена подобная концепция. Дословно я, конечно, не помню, но суть, кажется, передал.

(Здесь, гл. герой имеет в виду пьесу М. Булгакова «Зойкина квартира». Которая, в 1928 году, была издана в Германии. Прим. автора).

- Маркус, ты всё больше меня удивляешь, - отметила Шэрил.

Польщённый, я немного сконфузился. Но войдя во вкус, я продолжил бравировать, пытаясь казаться умнее, чем есть на самом деле.

- Философ я, пожалуй, в другом. Как человек с высоким уровнем интеллекта и низким уровнем достатка…

Шэрил громко рассмеялась, не дав мне договорить. Пронзительно хохоча, она долго не могла прийти в себя, одной рукой хлопая по барной стойке другой, утирая проступившие слёзы.

- Маркус…, - только и смогла произнести она.

Подождав, пока она успокоиться, я продолжил:

- Так вот, повторюсь. Как человек с высоким уровнем интеллекта и низким уровнем достатка, я пребываю в поисках возможности честного осознания себя в пространственно - временном континууме. В разности восприятия сегодня и завтра, - чуть не поперхнувшись пивом, выдал я тираду, не ожидая подобных слов от себя.

И откуда они в моей голове? Хуже того, я сам не понимал, уместно - ли их применил. Нельзя так увлекаться, надо быть самим собой.

- Это как? - Шэрил даже потрясла головой, пытаясь понять, о чём я говорю.

- Подожди минутку, сейчас сформулирую.

- Интригующе!

- Вот. Пожалуй, так: сегодня, оглядываясь назад, я вижу, где был не прав, а где и беспросветно глуп. Сейчас я другой. Я прав и научился думать. Заботит другое. Завтра, проснувшись, я пойму, что вчера был не прав и более глуп, чем позавчера, в своей безосновательной уверенности.

- О, Боже! Как заумно! Это чья-то цитата?

- Нет. Мои собственные размышления.

Шэрил одним глотком осушила бокал, смотря на меня расширенными глазами, перестав даже моргать.

- Маркус, а тебя точно зовут Маркус, а не какой-нибудь там Диоген или Платон? - шумно выдохнув, спросила она.

И добавила:

- I'm shocked by you! (Англ. Я в шоке от тебя).

Я попытался уйти в сторону от разговора о моих, изрядно, преувеличенных умственных способностях:

- Благодаря тебе, у нас сегодня получается русский вечер. Давай выпьем русской водки! Мне бармен говорил, что у них продают. Правда, не понимаю откуда она у них. Пробовала её?

- Ты смеёшься? Конечно, пробовала. Белый виски. Так водку называют в Штатах. В моей семье ничего не пьют кроме неё. Не в смысле, вместо воды, а в смысле, когда выпивают. На праздниках, или другой какой-нибудь повод. А берут в Америке. У нас есть завод по производству водки.

- Я пил водку. Мне понравилось. Но при условии, если она ледяная.

Я чуть было не ляпнул, что та водка, вероятней всего, была из России, трофей с восточного фронта.

Маркус! Соберись!

- Да знаю я, что её пьют холодной, - рассмеялась она.

- Давай так, Маркус. Ты только не обижайся. Раз уж твой достаток невелик, то деньги тебе пригодятся на берегу. Позволь, на правах русской, я сделаю заказ, и сама оплачу его. Хочу угостить тебя, - она коснулась моей руки.

- У меня есть деньги! - бравым петухом, кукарекнул я.

- Не сомневаюсь, - твёрдо сказала она. И продолжила:

- Дело-то не в этом. Допустим, если в Нью-Йорке ты пригласишь меня в австрийский паб, то будешь угощать на правах человека, знающего особенности своей национальной кухни, - мягко произнесла она.

Честно признаться, я поплыл в тот момент. За исключением моего друга и Абвера мало кто проявлял ко мне интерес в последнее время.

Шэрил заказала двести грамм водки, льда и икры. Чёрной и красной. Если я и пил русскую водку, то икру не пробовал никогда.

Нам принесли хрустальный запотевший графинчик с напитком, две такие же холодные рюмки, от которых шёл пар, две серебряные вазочки с изысканным содержимым и лёд.

- Смотри, как правильно. Я покажу.

Она, резко выдохнув, залпом выпила рюмку, и почерпнув миниатюрной ложечкой чёрной икры, сначала понюхала её, затем закусила.

- Давай теперь ты.

Я повторил за ней.

- Ну как?

- Очень вкусно!

- Попробуй теперь красную.

Я съел.

- Какая больше понравилась?

- Пожалуй, красная, - удовлетворённо ответил я.

- Мне тоже она больше нравится. Хотя чёрная стоит намного дороже.

- Русские вкусно едят! - восторженно сказал я.

- Неа. Вот тут, Маркус, ты ошибаешься. Отец рассказывал. Икра - это очень дорогой деликатес. И позволить его себе могут очень немногие. Впрочем, как и везде. Да я даже думаю, что процентов восемьдесят русских никогда её не пробовали.

- А ты была в России?

- Нет, я родилась уже в Америке, но очень бы хотела съездить туда.

Я подумал о том, что неизвестно, будет ли существовать Россия в будущем, учитывая нынешние обстоятельства, но вслух не произнёс.

Тут я внезапно вспомнил про одну проблему.

- Шэрил, а ты не знаешь, можно-ли обменять на корабле валюту?

- А что у тебя?

- Рейхсмарки и франки.

- Можно. Но тут совсем невыгодный курс. Лучше подожди. В Нью-Йорке я свожу тебя в свой банк. Там предложат лучшую цену. Есть доллары у тебя? Я могу дать.

- Спасибо, есть, - резковато ответил я.

Не хватало мне ещё опекунства со стороны незнакомого человека. Пусть симпатичного личиком, и не только, остальное, что привлекает мужчин, тоже имело место быть. Но, в подобной заботе я не нуждался.

Мы ещё долго болтали на разные темы. В основном, говорила Шэрил, рассказывая об Америке. Я же только и делал, что искусно лавировал между острых камней, появляющихся во время диалога, не желая посвящать девушку в подробности своей прошлой жизни. Я не врал ей. Просто не договаривал. Как сказал Марк Твен: говори всегда правду, и тогда ничего не придётся запоминать. И с этим я абсолютно согласен.

К тому времени концерт эксцентричной дамы закончился. Но, само шоу продолжалось. На сцену высыпал кордебалет. Красивые полуголые девушки, укутанные в разноцветные боа и перья, задорно танцевали, высоко поднимая ножки в ажурных чулках.

- Кажется, я изрядно напилась. Хочу спать, - с трудом проговорила Шэрил.

Я тоже испытывал жуткую, неимоверную усталость. Видимо, сказывалось эмоциональное перенапряжение и чрезмерное употребление алкоголя.

- Проводишь меня? Боюсь, одна не дойду, - попросила она.

Пьяно спотыкаясь и смеясь, мы кое-как добрались до её каюты под номером сто один. Шэрил ехала первым классом. Долго провозившись с замком, она, наконец, открыла дверь.

- Зайдёшь? - со вздохом облегчения, пригласила она.

- Спасибо, Шэрил. В другой раз. Приятных снов.

Страх. Страх непоправимой ошибки. Боязнь отношений, продиктованных необходимостью, одиночеством. Мне вовсе не хотелось вновь примерять на себя роль случайного прохожего. Это кино я уже смотрел.

Обычно, духовное перерождение требует чуть больше времени, чем один вечер.

- Ладно. Пока. Ещё увидимся, - на прощание Шэрил по-дружески чмокнула меня в щёку.

Она уже почти закрыла дверь, когда я, неожиданно для себя, остановился.

- Шэрил! - обернувшись, позвал я.

- А? - вновь распахивая дверь, выглянула она.

- Почему ты упомянула индейцев?

- Кого? - сонно переспросила она.

- Native Americans.

- А… да, сама не знаю. Как-то, к слову пришлось. Может, хотелось удивить интересным фактом про Америку. Поддержать беседу. А что?

- Да, так. Ничего. Спокойной ночи, - я помахал ей рукой.

Махнув в ответ, Шэрил исчезла за дверью.

Что ж. Либо она безупречная актриса, либо я - дёрганный параноик.

Вернувшись к себе, я, не раздеваясь, повалился на койку и моментально заснул.

TEIL EINS
(ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)
GLAUBE
(ВЕРА)

KAPITEL EINS
(ГЛАВА ПЕРВАЯ)
DER STEINERNE LÖWE, DER WOLFSJUNGE UND BAMBI
(КАМЕННЫЙ ЛЕВ, ВОЛЧОНОК И БЭМБИ)

Одна тысяча девятьсот тридцать третий изменил всё. Нацистская Германия, расправив огромные крылья имперского орла, взлетела к небесам. Выставив на всеобщее обозрение свои когтистые лапы, сжимающие свастику, могучая птица сначала воспарила над хаосом - наследием Веймарской республики. Сменой политического вектора, внутренними реформами, агитпропагандой, быстрым развитием промышленности, сокращением безработицы и прочими социальными инициативами, Третий рейх колоссальными темпами возрождал умершую эко-

номику. Его лидер - Адольф Гитлер стал для всей нации иконой, идолом, перед которым преклонялись миллионы благодарных немцев. А затем, окончательно окрепнув, орёл железным клювом начал карать своих обидчиков. Войдя во вкус и ощутив пьянящий аромат победы, он полетел дальше, на восток. Навстречу своей погибели. (В первоначальном варианте романа, написанном на корабле, последнего предложения не было. Оно дополнило рукопись позже, в 1946 году, уже после поражения Германии во Второй мировой войне).

Во время пивного путча, в девятьсот двадцать третьем, я был восьмилетним мальчишкой. В двадцать девятом, принеся клятву фюреру, юношей, полным стремлений. В тридцать втором - преданным солдатом. А в тридцать восьмом, когда Хрустальная ночь, осыпавшимися витринами разбила на тысячи осколков мои мечты и надежды на прекрасное будущее, мне исполнилось двадцать три.

Потом было поражение. Моё личное поражение. Крушение всего. Близкий мне человек пожертвовал собой, вырвав меня из хищных объятий болезни, поразившей мозг.

****

Я, хлюпая разбитым носом и вытирая грязным рукавом кровь, скучал за, уже привычной мне, решёткой в полицейском управлении, когда за мной пришли люди из органов опеки. Для себя я решил сразу, что непременно сбегу, как только окажусь в приюте.

Этот, очередной, арест оказался для меня фатальным. После неудачной попытки кражи кошелька, я был пойман самим потерпевшим и, при помощи пинков и подзатыльников, передан в руки жандармов. Для них не составило труда выяснить, что после моего последнего задержания я окончательно осиротел, став беспризорником, выброшенным на улицу. Мой отец погиб на фронте ещё в тысяча девятьсот семнадцатом, а мать умерла от тифа три месяца назад. Самостоятельно я, конечно, не мог платить за комнату, в которой мы жили.

Когда мама была ещё жива, мы еле-еле сводили концы с концами, пытаясь удержаться на плаву. Она работала прачкой не разгибая спины, иногда штопая износившиеся соседские вещи. Я, целыми днями напролёт, пропадал в мутных трущобах или наоборот в людных местах Мюнхена, с такими же оборванцами, воруя с прилавков продукты или, как сегодня, опустошал карманы ротозеев. В свои восемь лет я изрядно поднаторел в этом ремесле.

Несмотря на подобный образ жизни, и полное отсутствие хоть какого-либо образования у матери, ей удалось научить меня грамоте. В отличие от многих сверстников, выросших в таких же условиях, я умел читать и писать. Конечно, книг в нашем доме не было. Откуда им взяться? А, если бы и были, их бы съела вечная сырость, плесень, клопы и тараканы - домашние насекомые, уставшие от нашей однообразной пресной крови и редких хлебных крошек на столе. Она одалживала книги у более состоятельных соседей и, превозмогая дневную вымученность, читала мне перед сном. Маленький, лёжа в постели, я сонно закрывал глаза, и представлял себя великим странником - путешественником, покоряющим мир на белоснежном корабле. А изнуряющая, въедливая вонь нищеты в такие моменты не удручала моё обоняние.

В общем-то я не удивился, когда в полиции сообщили, что меня отправят в детский дом. Рано или поздно это должно было случиться. Неизвестно, как бы в итоге сложилась моя судьба, если бы не тот злосчастный кошелёк. Хотя, почему злосчастный? Может быть только благодаря ему, если верить в цепь последовательных событий, приводящих к конечному результату, и написаны эти строки.

Пожалуй, с этого кошелька я и начну свой рассказ. Рассказ о моей жизни с её непредсказуемыми, подчас, лихими поворотами, о том, как далёкое прошлое удивительным образом влияет на настоящее и предопределяет будущее. О трудности правильного выбора, который, так или иначе, приходится делать каждому. О настоящей любви и искренней дружбе. О пре-

дательстве, подлости и низости. О силе и бессилии. О светлом и тёмном. И о неумирающей надежде.

Как знать, вдруг эта история предостережет кого-то от ошибок, совершенных мною, научит чему-то важному, без претензии на вселенскую мудрость, или поможет тем, кто не в ладах с собственной жизнью…

В тот день я толкался на продуктовом рынке в поисках добычи, выжидая пока кто-нибудь из торговцев отвлечётся. Мы, беспризорные дети послевоенной и нищей Германии, старились выживать, как умели. Мой напарник следовал за мной на расстоянии десяти шагов, готовый действовать по моему сигналу. Мы всегда работали парами, один отвлекал продавца, другой быстро хватал, что попадётся под руку. Потом разбегались в разные стороны. Поначалу такая тактика работала безотказно. Торговец терялся, не зная кого ловить. Но потом они быстро смекнули что к чему, сговорившись между собой и с каждым разом сбежать было всё труднее. Нас ловили, нещадно били или сдавали в полицию. А со временем и вовсе не подпускали к прилавкам. Кто мы, и что здесь делаем было понятно слепому. От нас за километр несло неблагополучием сточных канав. Тогда нам приходилось менять ареал своего обитания, перемещаясь на другие охотничьи угодья, где мы непременно сталкивались с местной шпаной, вынужденно отдавая процент за работу на их территории или дрались, если чувствовали, что сильнее. В общем, шла теневая будничная жизнь, невидимая постороннему глазу. Несмотря на мрачность такого существования, к этому быстро привыкали. Некогда думать и размышлять, если в животе пусто.

Я присмотрел висящий с краю, под крышей лотка, рогалик копчёной колбасы и даже успел подать знак Мартину, моему помощнику. Он приближался к прилавку с другой стороны, чтобы, взяв в одном из ящичков помидор, задать вопрос: «Почему вы торгуете гнилыми овощами?». Пока торгаш в негодовании разбирался бы в чём дело, меня с колбасой уже и след простыл.

Тут подошёл покупатель, что было нам на руку, и приобрёл полкило ветчины. Он стоял рядом со мной и заплатив, сунул кошелёк в карман пальто. Карман был широкий, оттопыренный. Бери - не хочу. Из такого я, без труда, умыкну что угодно. Хоть патефон.

Мартин, стоя на исходной позиции, смотрел на меня, ожидая отмашки. Я чуть заметно покачал головой: «Остановись». Накатила нервная дрожь. Как всегда, вспотели ладошки. Секунды невероятного психологического напряжения. На грани срыва. Лёгкое, заученное движение.

Но, тут… Глупая, непредвиденная случайность. Неумолимо диктующая свои правила и вносящая коррективы во все наши планы.

- Вы забыли сдачу, - сказал продавец.

Мужчина поблагодарил и, взяв деньги, сунул руку в карман. Тот был пуст. Повернулся ко мне. Я сжимал кошелёк в руке. На мгновение в его взгляде промелькнуло недоумение. Он быстро сообразил и молниеносно схватил меня за шиворот. Вывернувшись, я бросился наутёк. Маленький, шустрый, вёрткий. Но, дядька был намного выше меня ростом. Один его шаг равнялся трём моим. Через несколько метров он подсёк мою ногу. Споткнувшись, я ткнулся носом в асфальт, окрашивая его в багровый цвет.

Приют, к моему удивлению, оказался довольно живописным. Он располагался в старинном поместье в окрестностях Мюнхена. Это было двухэтажное здание в готическом стиле, с маленькими башенками по углам. Его серые стены, у основания поросшие мхом и увитые по всей высоте диким плющом, окружал ухоженный парк с редко посаженными многолетними деревьями и идеально подстриженными кустами на зелёной лужайке. Территория была огорожена кованной решётчатой оградой, с двустворчатыми, вечно закрытыми воротами и узкой калиткой. От неё отходила песчаная тропинка, ведущая ко входу в интернат. Она приятно хрустела под ногами пока мы, с конвоиром шли по ней.

К дверям, расположенным выше уровня земли вела трапециевидная лестница - широкая внизу и сужающаяся по мере подъёма. У её подножия, по бокам, на квадратных тумбах, восседали каменные львы. Собственно, судя по вывеске, приют так и назывался - «Каменный лев». Сами же двери, больше напоминали маленькие арочные воротца, какие обычно служили входом в средневековый донжон. Сделанные из крепкой древесины, вероятно, дуба, они были крест-накрест укреплены чугунными полосками, повторяющими стиль ограды парка. Вместо ручек на дверях красовались косматые львиные головы, с зажатыми в пастях большими, увесистыми кольцами.

Увидев общую картинку, я воодушевился и подумал, может не всё так плохо?

Внешность часто бывает обманчива. Но только не в этом случае. Слово обман при таком резком контрасте, звучало, скорее, как комплимент. А здесь таилась, иначе не скажешь, гнусная, лицемерная ложь. Так сильно оболочка отличалась от содержания. Хоть я и был сиротой - беспризорником, всю жизнь проведя в нищете, кое-каким чувством вкуса обладал. Умел отличить изящные цветы от вредоносных сорняков.

Стоило за моей спиной, с лязгом захлопнуться тяжёлым дверям, и я очутился в другом измерении. Этот грохот отрезал меня от выдуманного благополучия, погружая в суровую реальность.

В широких, больничного типа, длинных коридорах с высокими потолками, несмотря на раннюю весну, царила промозглая и неуютная атмосфера. Я зябко поёжился. Это был не холод, в привычном его понимании, а сырость. В воздухе висела удушливая влажность, от которой, с непривычки, пробирал озноб.

Полы были выложены маленькими квадратиками керамической плитки: грязно-белыми вперемешку с приторно-ржавыми. Местами плитка потрескалась, кое-где откололись края, а кое-где кусочки мозаики вовсе отсутствовали, оставив после себя серые бетонные лунки.

Выкрашенные бледно-бежевой краской стены угнетали своей монотонностью. Я никогда не был в психиатрической лечебнице, но представлял её именно в таких тонах. В углах с облупившейся и вспученной штукатуркой, застыли прелые пятна болезненной желтизны, очерченные плавными коричневыми линиями.

Лишь большие окна, через которые лился дневной свет, да отсутствие запахов канализации напоминали о том, что я нахожусь не в своём подвале. Такое плачевное запустение вгоняло в депрессию.

Пока мы шли по коридорам, навстречу нам попадались воспитанники приюта разных возрастов. Кто-то смотрел на меня равнодушно, другие, напротив, с интересом наблюдали за новеньким. Я всматривался в лица. Их объединяло одно: безжизненные взгляды детей, лишённых будущего. Брошенные короли безликих подворотен и жестоких улиц. Обречённость, читаемая в потухших глазах, зеркально отражала мою собственную пустоту.

Пристанище потерянных душ и поломанных судеб.

Меня отвели в душевую, усадили на табурет и остригли наголо. Я злорадно слушал, как в панике шумно разбегаются постоянные квартиранты моей шевелюры. Затем меня раздели и минуты три поливали струёй из шланга. А я, дурак, ещё сетовал на прохладу коридоров. Вода тут была ледяной! Сильный напор едва не сбивал с ног. Я скукожился под ним и, чуть не плача, заставлял себя думать о солнце, огне, тёплой печи и, почему-то, о варежках, которых у меня никогда не было. После экзекуции мне выдали новую одежду. Брюки оказались длинноватыми, пришлось немного подвернуть их. В остальном, всё пришлось впору. Одеваясь, я весь трясся. Зуб не попадал на́ зуб.

С сожалением посмотрел на груду моего старого тряпья. На одежду - плевать. А вот ботиночки было жалко. Они лежали на куче, маленькие, трогательные. С выпавшими, из верхних петелек, змейками шнурков. Почти новые. Я совсем недавно выменял их на сигареты.

- Можно я оставлю себе обувь? - спросил я конвоира.

- Не положено, - безапелляционно заявил тот.

Это были первые слова, которые я услышал от него.

Пройдя через этот очередной круг ада, вопреки представлениям, отнюдь не полыхавший жарким пламенем, я предстал перед директором интерната. Как гласила табличка на двери кабинета - фрау Шульц.

Выглядела она так, как и положено выглядеть в классическом представлении директрисе или строгой учительнице. Ни больше, ни меньше.

Конвоир передал ей мои сопроводительные документы.

- Благодарю вас, герр Кнапп, - сказала она, беря папку.

Он молча кивнул. (Нем. Кнапп - немногословный).

Я удивился. Даже не представлял, что такая существует. Ну, максимум пара листов, но, чтобы, пусть и худенькое, целое досье! Видимо жандармы умели не только получать взятки.

Хозяйка кабинета листала страницы, бегло просматривая текст. Подняла взгляд:

- Маркус Краузе. Восемь лет. Мать недавно умерла, отец погиб на войне. Всё верно?

- Да, фрау... - я стушевался.

- Фрау Шульц. Ты читать умеешь, видел табличку на двери?

- Да, фрау Шульц. Умею. Но не всегда доверяю написанному.

Её канцелярский взгляд потеплел. Она вернулась к чтению.

- Тут сказано, что он асоциален, не признаёт законный авторитет власти, а ещё вор и лжец, - она саркастически усмехнулась, - они там что, психоанализ теперь изучают, вместо криминалистики? Тоже мне, Фрейды выискались! - посмотрела она на Кнаппа.

Тот безэмоционально пожал плечами.

- Воруешь? - вопрос адресовывался мне.

- Нет, - уверенно ответил я.

- Но… Надо отдать им должное. По крайней мере, в последнем утверждении они правы, - констатировала фрау Шульц.

Кнапп улыбнулся. Оказывается, он умел это делать.

Дочитав до конца, фрау Шульц отложила папку.

- Спасибо герр Кнапп. Можете идти. И пригласите, пожалуйста, ко мне Ла́нге из пятого отряда.

Молчун вышел.

- Присаживайся, Маркус. Побеседуем.

Я послушался.

- Здесь, в нашем интернате, мы даём второй шанс. Помогаем тем, кто того хочет. Для этого ты должен следовать ряду несложных правил. И, как там было написано…, - сдерживая улыбку, она снова открыла досье, перелистала, - … а, вот… - научиться «уважать авторитет администрации». В общем, соблюдать дисциплину.

Сцепив ладони на столе, фрау Шульц вопросительно посмотрела на меня:

- Согласен?

Я помнил об обещании, данном себе - сбежать. Но подумал, чтобы оценить вкус каши, нужно, как минимум, её попробовать.

- Да.

- Что ты любишь?

- Поесть, - не задумываясь ответил я.

Фрау Шульц с лёгкой грустью пояснила:

- Я не о естественных потребностях. Что тебе нравится, что интересно?

Я почесал за ухом, размышляя, и выдал скороговоркой:

- Война, сражения, история, читать.

- Читать? - она удивлённо приподняла брови. - И сколько книжек ты прочёл?

- За последний месяц две.

- Какие, позволь узнать?

- «Щелкунчик и Мышиный король» Гофмана. Там был целый сборник сказок. «Сиропные братья» название. Но остальные страницы оказались вырванными. Оставался только Щелкунчик.

- «Серапионовы братья», - поправила фрау Шульц.

- Точно, - согласился я.

- Ну, а вторая?

- «Апология Сократа», Платона.

Фрау Шульц поперхнулась. Я хотел дать ей воды, но она помахала рукой - не нужно. Откашлявшись, она переспросила:

- Апология Сократа???

- Ну, да, - утвердительно кивнул я.

- Где ты её взял?

- Обе книжки на помойке нашёл. Говорю же, страницы сказок были вырваны.

- Бог с ними, со сказками. Я про Сократа. Что же ты вынес из этой книги?

Сидя на стуле, я начал игриво болтать ногами, не достававшими до пола. Мне стали надоедать эти скучные вопросы. Захотелось спать. Легкомысленно ответил:

- Мало чего. Там про суд над ним. И всё так сложно написано. Почти ничего не понятно. Но, мне понравилась одна фраза: «Я знаю, что ничего не знаю», если вкратце.

Фрау Шульц в смятении потёрла лоб, помассировала виски. Придя в себя, она спросила:

- И как ты понимаешь это изречение?

- Тут, как раз всё просто, - улыбнулся я, и на полном серьёзе сказал, - не бойся показаться глупым и совершенствуйся всю жизнь. И ещё одно, век - живи, век - учись, а всё равно дураком помрёшь.

Директриса обескураженно смотрела на меня, не говоря ни слова. Я ждал. Не выдержав, спросил:

- Я что-то не так сказал, фрау Шульц?

- Нет, нет. Всё так, - она выглядела растерянной. - Просто воздержись от таких грубых слов, как «дурак».

- Хорошо.

- Знаешь, Маркус. Ты вот, что… Давай-ка, мы эту беседу отложим на потом…

В этот момент в дверь постучали. В кабинет просунулась голова.

- Вызывали, фрау Шульц?

- Да, Ланге. Подожди снаружи. Я позову.

Голова исчезла.

- О чём мы… - попыталась сосредоточиться директриса. - Ах, да… Если остались вопросы, задавай.

- Можно мне вернуть мои ботиночки? Они совсем новые и по размеру.

Я специально употребил уменьшительно-ласкательный суффикс, стремясь вызвать её сочувствие. (Естественно, я тогда не знал такого понятия, как суффикс, сработала интуиция).

- Я скажу, чтобы их продезинфицировали. Если будешь прилежно себя вести, тебе их вернут. Договорились? - нашла она рычаг воздействия.

Я снова кивнул.

Так, спустя время, я стал, единственным во всём интернате, обладателем двух пар обуви. Личной и казённой.

- Ещё что-то?

- У меня школа будет?

Фрау Шульц сняла очки и прикрыв глаза, двумя пальцами помяла переносицу.

- Краузе, ты точно хочешь, чтобы меня сегодня хватил инсульт.

Я не понял, с чего возник такой вывод. А она, будто прочитав мои мысли, пояснила:

- Неожиданный вопрос. Ты первый человек в этом кабинете, кто спрашивает об этом. Обычно новичков он интересует в последнюю очередь. Вернее, совсем не интересует. Даже отталкивает. Конечно будет.

- И история?

- В том числе.

- А книги у вас есть?

- Да, небольшая библиотека.

- И можно приходить и читать?

- В любое свободное время.

- Спасибо.

- Маркус, ты иди пока… тебя проводят. Остальное расскажут ребята.

Я встал, понимая, что разговор окончен.

- Ланге! - крикнула она.

В дверях возник долговязый парень, но уже во весь рост. (Нем. Ланге - длинный).

- Это Маркус. Новенький. Он будет в твоём отряде. Покажи ему всё. Объясни наши порядки. Как закончите, разыщи герра Кнаппа, передай, что я через два часа созываю срочный педагогический совет.

- Слушаю, фрау Шульц.

Тут, она, будто что-то забыв, снова обратилась ко мне. Или не ко мне…

- И откуда ты такой любознательный взялся?

- Как откуда? - удивился я. - Из Мюнхена.

Директриса, слегка улыбнувшись, пояснила:

- Это был риторический вопрос.

- Какой?

- Риторический. Значит - не требующий ответа.

- Теперь буду знать.

У двери я, кое-что вспомнив, обернулся:

- Фрау Шульц, а почему «Каменный лев»?

- Название осталось от прошлых хозяев усадьбы. Менять не стали. А теперь, ступайте уже.

Мы вдвоём вышли из кабинета.

- Пойдём, сначала покажу нашу комнату и твоё спальное место. А потом всё остальное.

По пути долговязый занудно бубнил о распорядке дня, общепринятых нормах поведения и требованиях к воспитанникам.

- Раз в месяц - дежурство. На целый день. Ответственным по комнате. Полы помыть, прибраться. Примерно раз в три месяца - работы по уходу за парком. Это не сложно. Тем более сейчас. Зимой тяжелее. По воскресеньям, вечером, общая помывка в душе…

- Здесь всегда такая вода?

- Ты про Кнаппа и шланг?

- Ага.

- Не подумай, это не издевательство. Напор холодной струи необходим, чтобы окончательно избавиться от вшей. А так, нормальная вода.

Уже легче.

Он продолжал:

- В общем-то всё, что от тебя требуется - это выполнять свои обязанности, не пропускать уроки, во время отбоя находиться в койке и…

Мне было неинтересно дальнейшее «и», я перебил его:

- Слышь, Длинный, отсюда можно сбежать?

Он не обиделся, видимо привыкнув к очевидной кличке, но поправил:

- Дитрих.

Остановившись, я выжидательно смотрел на него, не спеша представляться. Зачем? Во-первых, фрау Шульц уже называла моё имя, во-вторых, знакомств и привязанностей я заводить не собирался.

- А смысл? Тебя здесь насильно никто не держит. Утром зарядка, завтрак, до обеда уроки. Дальше, делай, что захочешь. Иди гуляй, главное не попадайся на воровстве - накажут, или занимайся своими делами. Дверь запирают только на ночь. Нянчиться с тобой тут не будут. А вот если сбежишь, второй раз сюда не возьмут. Засунут в такую дыру, что взвоешь. Я был в подобном месте. Ничего хорошего. «Каменный лев», по сравнению - рай.

- Что же здесь всё в таком запустении? - я показал на стены.

- Приют существует за счёт государства. Дотации мизерные. Администрация половину кладёт в карман. Их понять можно, жить всем хочется. Остальное идёт на еду и одежду для нас.

- Кстати, как тут с кормёжкой?

- Не очень. Но бывает хуже, поверь. Голод ты будешь испытывать всегда. Но от истощения не умрёшь. Кормят два раза, утром чай, каша и кусок хлеба с маслом, в обед - тушёная капуста, а вечером дают компот. Редко угощают печеньем. Как говорится, для жизни маловато, для смерти - многовато, - улыбнулся он.

Мда. Не густо. С другой стороны, у меня бывали дни, когда я совсем не ел.

Мы подошли к двери с цифрой пять.

- Вот, наша комната, проходи, - пригасил Дитрих.

Просто комнатой это помещение было не назвать. Очень большая комната. Или маленькая зала. Возможно, когда-то здесь проводились балы́. Огромная люстра на потолке усиливала эту догадку. Но для балов - тесновато. Скорее всего, переносились стены, строились новые перегородки под нужды приюта. Первое, что бросалось в глаза - безупречные, в своём прекрасном исполнении, готические окна, замеченные мною снаружи, дробившие противоположную от входа стену на четыре части.

Они были узкими, с остроконечными вершинами, тянущимися ввысь. Их рамы, вырезанные из тёмного дерева, украшали замысловатые узоры, а цветные витражи, непонятно каким чудом сохранившиеся до нашего времени, заливали комнату мягким светом, играющим оттенками красного, синего и золотого. В верхней, зауженной части, каждого из этих шедевров, находилась небольшая круглая розетка, лучи которой, расходясь от центра, наполняли логикой общий рисунок. А изящные металлические или деревяные, издалека не разобрать, переплёты реек, разделяли всю панораму стекла на множество мелких сегментов создавая иллюзию тонко вырезанного орнамента внутри застывшего в немом свидетельстве холодного камня.

По обе стороны от двери располагались шкафчики для одежды, а вдоль стен, справа и слева, стояли небольшие тумбочки и одноярусные железные кровати по пятнадцать с каждой стороны. Дитрих подвёл меня к одной из них:

- Вот твоё место, а шкафчик займёшь семнадцатый. Только не храни ничего запрещённого. Иногда их обыскивают.

- Что например?

- Например, сигареты. Нам курить не разрешают.

Вот это новость! А он ещё хвалился местными порядками. Нечего мне здесь делать!

- Давай, покажу тебе интернат. Проведу небольшую экскурсию.

- Не стоит.

- Всё-таки решил уйти?

- Заложишь меня? - ощетинился я.

- У нас это не принято, - спокойно ответил Дитрих, и не сказав больше ни слова, ушёл.

Я остался наедине со своими мыслями. Побег придётся отложить. Доверяй, но проверяй. Мало ли, что там наплёл "Длинный". Сейчас пойдёт и сдаст меня со всеми потрохами. Ещё и фыркнул обиженно. Недотрога. В любом случае, я хотел сперва осмотреться. Да и ботинки надо забрать. А уж потом…

Но, "потом" не случилось.

Поначалу, в интернате мне было ненавистно буквально всё. Происходящее вокруг казалось бессмысленным, нелепым. Не потому, что тут было плохо, как раз - наоборот. Крыша над головой, хоть слегка и отсыревающая, скудная, безвкусная, но еда, чистая постель и отсутствие изнуряющей чесотки от вшей. Привыкание к новому месту всегда давалось мне болезненно. Первые ночи я почти не спал, ворочаясь с боку на бок. Больше прочего раздражали утренние подъёмы. А зарядка вместо утренней сигареты и вовсе убивала. Я ни с кем не разговаривал, не водил дружбу, не принимал участия в общих забавах. Моей отдушиной стала библиотека, маленькая комната с тремя столами и парой стеллажей с немногочисленными книгами. Я был её одиноким посетителем и сидя в тишине упоённо читал. Первой книгой, выбранной случайно, был роман "Робинзон Крузо". Листая старые пожухлые страницы, я искренне не понимал почему он так мечтал поговорить с человеком. Ведь случившееся с ним, можно назвать подарком судьбы. Абсолютная изоляция, когда к тебе никто не лезет, не пристаёт с глупыми расспросами. Это казалось мне странным. Отсутствие вокруг людей полностью сводило на нет шансы получить очередную оплеуху.

К сожалению, библиотеку закрывали в шесть часов. А брать книги с собой было нельзя. И я вынужденно покидал этот умиротворённый островок разума, единственный в океане всеобщего абсурда. По крайней мере, так мне тогда казалось.

А вот учебный процесс, как я и предполагал, захватил меня довольно быстро. Мне нравилась школа. На уроках истории, литературы и географии я не опускал руки́, готовый ответить на любой заданный вопрос. Вот что мне никак не давалось, так это точные дисциплины, вроде математики. Не работал мой мозг в этом направлении, как бы я себя не заставлял. Только благодаря моим успехам в гуманитарных науках, математик закрывал глаза на мою неравную схватку с цифрами и равнобедренными треугольниками. Но думаю, что его об этом настоятельно попросили в директорском кабинете. А может я ошибался. В общем, мои первоначальные мысли о побеге постепенно отходили на задний план, пока совсем не канули в Лету. И правильно, зачем сбегать, если ты и так свободен.

Правда, первое время, гуляя по городу, я едва удерживался от искушения, больше не возвращаться в детдом, всякий раз находя в себе силы побороть этот соблазн. Как-то хотел наведаться в наш подвал, желание поесть мяса, пусть крысиного или кошачьего, было нестерпимым, но побоялся подхватить новых насекомых. Поэтому я встречался со своей дикой ватагой на улице, продолжая воровскую деятельность. Как и предупреждал Дитрих, голод не отпускал ни на минуту. Однажды, меня снова поймали, и с позором доставили в интернат. Результат - порка. Роль палача выполнял вездесущий Кнапп. Справедливости ради, бил он не сильно. Так, скорее для проформы. Даже штаны с меня не снял. В этой ситуации гораздо страшнее было то, что на следующий день меня оставили без пропитания.

Тогда фрау Шульц сказала мне:

- Мы не приветствуем телесные наказания и лишая тебя пищи не испытываем от этого удовольствия. Но, так до тебя быстрее дойдёт, что нужно оставить в прошлом свои уличные замашки. Мы прекрасно понимаем из какого мира вы все попали к нам. Поэтому, первый раз - наказание. Второй - наказание, плюс месяц дежурств. Только порка уже будет настоящей. А вот на третий раз - отправишься к уголовникам. Это ясно?

- Да, фрау Шульц. Я всё понял. Я исправлюсь.

Когда я уже собирался выйти, она окликнула меня:

- Краузе, постой!

Я обернулся. Директор подошла ко мне и протянула пару конфет:

- Ты обронил.

- Я не…

Она тут же прервала меня:

- Будь аккуратнее, не теряй свои вещи.

Я хотел что-нибудь сказать, но мой лексикон был скуден. И слова казались недостаточно глубокими для того, что я хотел ими выразить. Я беззвучно открывал рот, понапрасну шлёпая губами.

- И-ДИ! - напористо произнесла она.

И я пошёл.

Фрау Шульц, несмотря на свою показную строгость, должность обязывала, оставалась человеком. Мягкой и переживающей за нас, маленьких и больших дегенератов, стараясь смягчить наше пребывание в этих неласковых стенах. До сих пор помню фантики тех конфет. На голубом фоне был нарисован парусный, одномачтовый кораблик, плывущий по белым барашкам волн. А уж их вкус… Он навсегда остался со мной.

Это оказалась не единственная подмога.

Утром ко мне подошёл Дитрих:

- Возьми, - в руке была половинка кусочка хлеба, оставшаяся от его завтрака.

- Не голоден, - брюзгливо отмахнулся я.

Он молча положил хлеб на мою тумбочку и отошёл.

После уроков, когда все ушли на обед, я, не отрываясь смотрел на этот хлеб. Черствея, он манил меня запахом, сводя с ума. Но я знал. От фрау Шульц могу принять помощь. От равного - никогда. Раз возьми, потом будешь должен в десять раз больше. Так меня научила улица. В гневе, схватив соблазнительный ломтик, я зашвырнул его угол комнаты.

- Ты совсем оборзел, Краузе! - заорал дежурный, вернувшись из столовой. - Убирай теперь сам!

Я проигнорировал эту истерику.

Дитрих подобрал хлеб и выбросил в помойное ведро.

- Дитрих, что ты возишься с этим придурком! Он же ненормальный. Псих. Дикий волчонок! - продолжал горланить ответственный за порядок.

Я впервые узнал, что за глаза меня теперь называют "волчонок". Что же, не самая плохая кличка.

- Давай устроим ему тёмную! - распылялся дежурный.

Мне это неприятно, но вынужден признать, в общем-то парень был прав. За подобный поступок мне следовало набить морду. И не только потому, что я выбросил еду, а ещё и потому, что Дитрих сильно рисковал, так как выносить продукты из столовой категорически запрещалось.

- Я тебе устрою! - ответил ему Дитрих.

Нужно заметить, что такое распространённое явление, как дедовщина в "Каменном льве" отсутствовало в принципе. Администрация пресекала любые попытки её возникновения. Это каралось столь сурово, что отбивало всякую охоту заниматься чем-то подобным. Провинившихся отправляли в места, где дедовщина касалась их самих. И пути назад не было.

Конечно, драки между воспитанниками были не редкостью. Куда ж без этого. Нормальное мальчишеское поведение. Руководство также не приветствовало эти бои, поэтому дрались только на улице, за пределами территории приюта. Исключение составляли случаи, когда гнев вспыхивал внезапно и перенести мордобой на свежий воздух не представлялось возможным. Тогда драчунов разнимали и ставили на длительные дежурства, причём в паре. После такого пропадало всякое желание махать кулаками.

Разумеется, после заверения, данного фрау Шульц, я не перестал воровать. Но теперь крал, только убедившись в стопроцентном успехе.

Понемногу я влился и в установленный распорядок, и в само течение жизни сиротского приюта, тем не менее, по-прежнему избегая какого-либо общения, из-за чего прослыл отшельником. И не сомневался, придёт время - мне это "аукнется". Живя в волчьей стае, нужно примыкать к этой стае, иначе свои же загрызут. Поэтому, в одну из прогулок, я достал из городского тайника свой перочинный нож, подаренный отцом перед отправкой на фронт, и спрятал его в нашем парке под корнями одного из деревьев. Так спокойней.

Всё шло своим неспешным чередом, пока однажды, не случилось страшное! Моя библиотечная цитадель чуть не рухнула, похоронив под обломками меня и мои драгоценные книги. Вернее, я так сначала подумал. На деле оказалось, что она обросла новыми бастионами.

В тот день, как всегда после обеда, я отправился в библиотеку, предвкушая очередное путешествие по загадочным лабиринтам межстрочных интервалов и неожиданных сюжетных переплетений.

Открыв дверь, я застыл столбом. Отказывался верить глазам. За одним из столов сидела девчушка примерно моих лет, погружённая в книгу. Я настолько привык к своему одиночеству в этих стенах, что стал ощущать себя единоличным и полноправным владельцем книжного храма. Служителем его культа. А теперь эта нахалка без разрешения вторглась в мою святую обитель, посмев прикоснуться к моему литературному алтарю! И, более того, заняла не какой-нибудь случайный стул, а именно мой любимый! Я был в бешенстве! Если бы на её месте находился парень, то несомненно, с завтрашнего дня, я бы стал вечным дежурным, окропив жертвенник кровью нечестивца.

Она подняла голову и дружелюбно сказала:

- Привет.

- Здрааастье, - саркастически протянул я.

Нет! Ну, какая бесцеремонность! Изображает из себя невинность.

- Кто тебя сюда пустил? - спросил я, пройдя в противоположный конец комнаты.

- Никто. Сама пришла. Было открыто.

Мерзавка! Кнапп тоже хорош! Открыл раньше времени. Заходи кто хочешь, бери что хочешь! От негодования меня потряхивало.

Взяв, первую попавшуюся, книжку я уселся читать. Но постороннее присутствие отвлекало, мешая сосредоточиться. Я кинул испепеляющий взгляд на девчонку. Большие белые банты на её косичках резали глаз, казались неуместно праздными и даже кощунственными. Я нарочито громко захлопнул книгу.

- И долго ты здесь собираешься сидеть? - спросил я, не пытаясь скрыть грубость.

Она снова посмотрела на меня и, пожав плечами, улыбнулась:

- Не знаю. Наверное, пока не выгонят. Когда закрывается библиотека?

- Скоро! Уже вот-вот, - соврал я.

- Но ведь ещё так мало времени…

- Сегодня у меня тут намечена уборка!

- Хочешь, я тебе помогу? Вдвоём быстрее справимся, - предложила она.

Вот же прицепилась!

- Нет. Нельзя! Здесь разрешают прибираться только мне, - продолжал я лгать.

- Понятно, - грустно сказала она.

Меня это немного кольнуло. Но сдаваться я не собирался.

- А что ты читаешь? - поинтересовалась она.

- Книгу! - негодуя ещё больше, хамовато бросил я.

- Почему ты такой злой? - спросила обиженно девчушка.

Она посмотрела на меня широко раскрытыми, чистыми глазами, хлопая густыми ресничками. Ни дать, ни взять - оленёнок Бэмби, из недавно вышедшей сказки. Я её не читал, но вот умилительную картинку с обложки видел в магазине. В этот момент я почувствовал себя свиньёй.

- Извини. Я не злой, просто…

А вот что "просто", я никак не мог придумать.

Бэмби мне помогла:

- У тебя что-то случилось?

- Верно. Но ничего смертельного. Зажигалку потерял, - снова соврал я, чтобы как-то оправдать свою бестактность.

Она встала и подошла ко мне.

- Можешь взять мою.

Мне стало ещё совестнее.

- Спасибо, не нужно. У меня спички есть. А ты что, куришь?

- Иногда. Очень-очень редко.

- Ты только не храни её в тумбочке или шкафчике. Отберут. Лучше спрячь где-нибудь во дворе. Ты давно здесь? Я раньше тебя не видел.

- Я новенькая, всего третий день.

Внезапно в комнату вбежала, запыхавшись, ещё одна девчонка. Я насторожился. Такой наплыв посетителей мне совершенно не нравился. Она выпалила с порога:

- Уф, Берта, еле нашла тебя! Тебя фрау Шульц разыскивает. Срочно!

К моему облегчению гонец или гончиха, не знал, как правильно… Посланница! Так вот, к счастью, посланница не проявила никакого интереса к моей часовне. Моей ли теперь? Судя по горящим глазам Бэмби уже не только.

- Тебя Берта зовут?

- Да. А тебя?

- Маркус.

Мы пожали друг другу руки.

- Красивое имя, - сказал я.

А сам подумал: имя, как имя, ничего необычного. Мысленно выругался. Берта, появившаяся из ниоткуда, заставляла меня вести себя иначе. Позже я размышлял над этим. Нет, никакой чепухи, навроде "внутреннего трепета", как описывают в дурацких любовных романах, я не испытывал. Тем более, что нам было по девять лет. Но инстинкт, заложенный природой, явственно давал понять: она, в первую очередь, девочка, а не один из моих приятелей-дебилов, с кем можно поржать над пошлыми шутками и сплёвывать жёлтую табачную слюну, похлопывая друга по плечам.

- Спасибо, - ответила она.

- Но, если ты не против, я буду звать тебя Бэмби, - заявил я.

Вообще, как покажет будущее, у меня был талант давать прозвища. А если они приклеивались, то человек становился для меня самым близким.

- Кто такая Бэмби? - спросила Берта.

- Не такая, а такой. Это оленёнок из сказки. У тебя похожие с ним глаза.

- У меня что, глаза, как у оленя?

Чёрт! Девять то девять. Но уже сейчас в девочке рождалась женщина. Но и я тоже не промах:

- Не у оленя, а у лани.

Господи! Что я несу! Бред какой-то! Точно не жди ничего хорошего! Сначала вторглась в моё пространство, а теперь манипулирует. А я, как тупая, безвольная марионетка, позволяю дёргать себя за ниточки.

Она смущённо потупила взгляд.

- Не знаю такую сказку, - призналась Берта.

- Не удивительно. Она поступила в продажу совсем недавно. Сам не знаю о чём там. Просто видел обложку. Ещё почитаем, - подмигнул я.

- Мне надо идти. Директор ждёт. Начинай свою уборку. Я мешать не буду.

- Да я уж передумал. Как-нибудь в другой раз. Сегодня можем почитать вдоволь. Библиотека открыта до шести. Хочешь, я провожу тебя?

- А как же книги?

- Книги никуда не убегут. А вот фрау Шульц ждать не любит.

- Тогда пошли, - с радостью согласилась она.

Берта - Бэмби скрылась в директорском кабинете. Я остался ждать снаружи. Минут через пятнадцать она вышла.

- Ну, как там? Что-то важное? - спросил я.

- Нет. Ничего. Путаница с бумажками, из-за отца.

- У тебя что, есть отец??? Я думал, ты сирота.

- Есть. Почти сирота. Мама давно умерла. А папа с фронта вернулся инвалидом. Посчитали, что он в полной мере не может заботиться обо мне. Поэтому я здесь.

- Пьёт?

- Бывает.

- Обижает?

- Нет, что ты! Он меня сильно любит, а когда выпьет, так вообще всякие подарки дарит. Я могу навещать его. Иногда ездить домой.

- У вас и дом есть?

- Есть. Ну, как дом… Комната с клопами. Но, своя.

А невеста-то, оказывается, с приданным.

- А у тебя? - спросила она.

Я рассказал. Мы удручённо помолчали, невольно затронув безрадостную тему.

- Бэмби, пойдём покурим, заодно покажу тебе намоленное место, - предложил я.

- Пойдём.

Через калитку мы вышли за ограду и спрятались за деревьями, где нас не было видно из окон интерната. Тут уже толпилось несколько ребят и девочек, в воздухе висело облачко табачного дыма. Мы встали чуть поодаль. На тротуаре валялась куча окурков, и я ногой расчистил небольшое пространство.

- Прикуренный пятачок, - просветил я её. - У меня только крепкие. Но ты сильно не затягивайся. По чуть-чуть.

Попробовав, Бэмби закашлялась. Я мягко постучал её по спине.

- Ещё меньше.

Она повторила.

- Как?

- Порядок, - оценила она.

Спустя несколько дней я, через своих уличных сорвиголов, достал для неё тонкие, дамские сигареты. Я показал Берте тайник и мы, завернув сигареты с зажигалкой в пакетик, спрятали их там.

Покурив, мы немного постояли на улице, чтобы выветрить запах и вернулись в библиотеку. На этот раз я сел рядом с ней. Про любимый стул говорить не стал. Пусть сидит безмятежно. Какая, в сущности, разница. Вот! Уже и стул отдал без боя! И теперь ищу оправдание собственной капитуляции.

- Так что же ты всё-таки читаешь? - вновь спросила Берта.

- Я ж сказал, книгу.

Уловив её напряжённое замешательство, я громко рассмеялся.

- Да шучу я! На самом деле вот, - я взял с полки роман Жюля Верна. - "Капитана Немо".

- Интересно?

- Про войну всегда интересно. А тут ещё и приключения, фантастика. Впрочем, в наши дни это уже далеко не фантастика. Ну, а ты?

- "Снежную королеву", - показала она обложку, - очень люблю эту сказку.

- За что?

- Она про любовь, теплоту, добро.

О, Боже! Видимо, предстоит ещё привыкать к этим девчачьим нюням. Придётся разбавить чем-то более приземлённым.

- А мне не нравится.

- Почему?

- Как тебе сказать. Паренёк, который Кай, по сути, вытащил счастливый билет. Из убожества нищеты попал во дворец, живёт на всём готовом в полном достатке и довольствии. А Герда, эта добрая девочка, руководствуясь своим амбициозным эгоизмом, не спросив самого Кая, что для него лучше, затащила его обратно в эту нищету. При этом, лишив красивую, по-своему несчастную и одинокую женщину приёмного сына. Подумаешь, что он стал злым и жестоким. Зато не надо думать о пенсии и хлебе насущном, - поделился я своим ви́дением.

Берта ошеломлённо уставилась на меня. И я её понимал. Трудно видеть, как рушится, придуманный тобой, розовый мир.

- Я… я даже как-то и не рассматривала с этой стороны. У тебя нестандартный взгляд на вещи.

- Вовсе нет. Правда жизни. Жестокая и несправедливая. Какая она на самом деле. Конечно, это я обобщённо, без конкретики. Есть в мире место для твоей любви и доброты, - смягчил я, под конец.

Но Берта всё равно выглядела расстроенной. Тогда я рассказал ей про конфеты от фрау Шульц и про хлеб Дитриха, умолчав, как некрасиво поступил.

- Так что видишь, Бэмби, не всё ещё потеряно.

Она снова повеселела.

- Маркус, только ты больше не воруй. Мне будет очень грустно, если тебя заберут отсюда.

- Конечно, не буду. Я уже и сам привык к… к прекрасным здешним местам, - посмеялся я, чтобы она не заметила в моих глазах фразу: "Ещё чего!".

Так, вопреки первоначальным опасениям, восприятие книжного пространства не сузилось, а, наоборот, расширилось. С Бертой мы проводили много времени и очень сблизились. Мне пришлось отдать ей половину царства, но я нисколько не жалел об этом. Иногда, мы читали друг другу вслух, воспринимая знакомые тексты совсем иначе, благодаря интонации чтеца. Либо просто делились прочитанным, обсуждали поступки героев, разбирали линии сюжета. Бэмби стала моим первым и единственным настоящим другом в интернате. Хотя, чуть позже, я нашёл в себе смелость извиниться перед Дитрихом и протянуть ему приятельскую руку…

…Произошло это спонтанно и явилось вполне предсказуемым результатом моего аскетизма. Я готовил себя к такому. Но когда случай неожиданно выскакивает из-за угла, всегда теряешься. Библиотека была закрыта, герр Кнапп запаздывал, я вышел на улицу, в тайную курилку (мы наивно полагали, что администрация не знает об этом месте). Под мышкой я держал учебник истории - хотел полистать, под сигаретку. Закурив, я уселся на камень.

- Глядите, кто к нам пожаловал! Зубрила - волчонок! - надо мной нависли тени.

Я поднял голову. Старшие ученики. Двенадцать - тринадцать лет. Во главе Курт. Я знал, что он слыл известным драчуном, и ничего хорошего от этой встречи не ждал.

- Чего это у тебя? - он выхватил мой учебник.

- Курт, отстань от него. Он же дикий, - сказал один из ребят.

- Отдай, - я встал, но был растерян, не зная, что предпринять.

- Что, надоело по библиотекам обжиматься - целоваться с новенькой, решил с книжкой уединиться? - сказал, усмехаясь, Курт.

Ярость отключила мой рассудок. Я со всей силы ударил его в живот. Он крякнул, чуть согнувшись. Но, что ему удар девятилетнего пацана. Курт сразу выпрямился, нанеся ответный удар мне в глаз. Я повалился на землю. С трудом поднявшись, я побежал несмотря на то, что передо мной мелькали звёздочки.

- Трусливый волчонок! - неслось мне вслед улюлюканье мальчишек.

Дрожащими руками достал из тайника нож. Сейчас покажу им волчьи клыки. Голова немного кружилась после удара, но я был полон решимости. Вернувшись назад, я выщелкнул лезвие.

- Молись, гад! - крикнул я.

Тут кто-то схватил меня за плечо. Резко повернулся, готовый атаковать. Дитрих.

- А ну, дай сюда нож, - шагнул ко мне Курт.

Дитрих ураганом налетел на него. Завязалась драка. Мальчишки засвистели и принялись криками подбадривать дерущихся. Дитрих не отличался крепкими мускулами и был худощавым, но ему тоже было тринадцать, а его длинные руки, к моему удивлению, подобно двум плётками хлёстко стегали моего обидчика с неимоверной скоростью. После того, как бойцы, сцепившись, стали кататься по земле - их разняли. Стоя друг напротив друга, они тяжело дышали. Кто-то дал им по сигарете, и они, как ни в чём не бывало, вместе сели покурить, шмыгая разбитыми носами. Я всё ещё стоял с обнажённым ножом, в полном недоумении, чувствуя, как под глазом наливается синяк.

- А ты волчонок ничего. Не испугался. Хоть и заучка, - благожелательно сказал Курт, посмотрев на меня.

Я обвёл взглядом всех присутствующих, покачивая ножом:

- Если кто-то скажет ещё что-то дурное о Берте, кожу заживо сниму.

Мальчишки одобрительно закивали.

- Извини, волчонок. Я пошутил. Не знал, что тебя это так заденет.

- Его Маркус зовут, - вмешался Дитрих.

- Пусть. Подрастёт, волком станет, - философски изрёк Курт.

Инцидент был исчерпан.

С этого момента моё затворничество кончилось. Стая приняла меня, как своего, легко и непринуждённо. Не сказать, чтоб я был этому рад, но и отвергать не стал.

Докурив, Дитрих встал и, пожав Курту руку, сказал мне:

- Пойдём. Найдём что-нибудь холодное. Приложить.

Когда мы отошли, я произнёс:

- Спасибо, Дитрих.

- Да не за что. Давно хотел подраться с Куртом. Ради интереса. Всё повод искал.

- Не за это. Сам бы справился, - показал я нож.

- Ааа, ну это конечно. А за что тогда?

- За тот хлеб, помнишь? И прости, что повёл себя так по-скотски. На улице я привык, что никто ничего просто так не делает.

- Так и есть. Но ситуации бывают разные. Надо уметь разбирать.

Разговора с фрау Щульц избежать не удалось. Я столкнулся с ней в коридоре.

- Тааак, Краузе. Поди-ка сюда. Откуда у тебя синяк?

- Поскользнулся на улице, - отвёл я взгляд, делая вид, что проявляю искренний интерес к паучку, бегущему по подоконнику.

- Поскользнулся? На улице? Летом? Ну, какая неожиданность! - она деланно всплеснула руками.

Я молча сопел. Директор продолжала:

- Очевидно, вместе с тобой поскользнулись ещё и Курт с Дитрихом, верно?

Я помялся. Врать бесполезно, но и правду не скажешь. Я ведь не стукач.

- Про них я не знаю. Когда гулял, ко мне подошли уличные мальчишки. Хотели отобрать мой пиджачок (использовал проверенный приём). Я не отдал, и вот…

- Сделаю вид, что поверила. Но смотри, не бери в привычку, - сказала она.

Курт с Дитрихом тогда отделались двойным внеочередным дежурством, потому как не пойманный - не вор. Но и ссадины не спрячешь…

…Как только библиотека закрылась, я проводил Берту до её комнаты, а потом направился к директору. Нужно непременно уладить возникшую ситуацию. Заодно попытаюсь поторговаться.

Собравшись, я постучал:

- Фрау Шульц, к вам можно?

- Заходи Краузе. Что у тебя?

Нелегко признаваться в собственных неблаговидных деяниях. Но что делать.

- Фрау Шульц, прежде, чем предстану перед вашим судом, хочу, чтобы вы знали, я очень раскаиваюсь в содеянном и поэтому я здесь. Клянусь - это послужит мне уроком, чтобы в дальнейшем избежать подобных ошибок. Так как недавно я встал на путь истинный, - сказал я, и замер, выражая полную смиренность.

Директриса подавила смешок и сделала строгие глаза:

- Звучит многообещающе и даже естественно. Я прямо боюсь предположить, что ты натворил на этот раз, - скрестила она руки на груди.

Я знал по опыту: надо говорить прямо и честно, ничего не скрывая, не тая́ и не увиливая. Выложив всё, как на духу, я повесил голову в ожидании вердикта.

- Дааа, Маркус, не думала, что ты на такое способен. Разочаровал.

- Я и сам не думал, всё само собой как-то получилось. Я объясняю, растворился в собственной эйфории. И понимаю, что это совсем меня не красит. Помогите мне пожалуйста. Хотя бы ради Бэм… ради Берты, чтобы не теряла веру в людей. Она живёт в "розовом" мире. Пусть там и остаётся.

- Знаешь Маркус, ты не только умён не по годам, но ещё и хитёр. Будь с этим осторожен. Это неплохое качество, для него тоже нужно иметь голову на плечах. Только использовать надо во благо.

Я промолчал. А про себя подумал: вот я и использую.

- "Эйфории"… откуда ты такие слова-то знаешь.

- Это риторический вопрос?

- Он самый, - чуть улыбнувшись, подтвердила она.

Жаль у меня нет таких глаз, как у Бэмби. Сейчас бы пригодились.

- Хорошо, Маркус. Я не против. Тем более, что это действительно полезное дело. Там с роду никто не убирался. Раз в месяц будешь делать влажную уборку. Пыль вытирать. Комнатка там небольшая, думаю, много времени не займёт. Только не переусердствуй. Не попорть книги…

- Да вы что! Да я… за эти книги…, - перебил я её.

- Тише, тише, - она также прервала меня, - впредь, будь повежливее с девочками, да и с мальчиками тоже.

- Клянусь! - ретиво выкрикнул я.

- Много клятв, для одного разговора, - осадила она. - А вообще знаешь что? Мне в голову пришла одна интересная мысль. Хочешь быть библиотекарем?

Если бы директриса предложила мне сейчас, вот сию минуту, съесть килограмм говядины, я бы испытал меньше эмоций.

- БИБЛИОТЕКАРЕМ?! - переспросил я, не веря своим ушам. - ЭТО КАК?

- Ну, раз уж ты считаешь себя законным собственником читального зала, то сам Бог велел, - усмехнулась она.

Я чуть не упал в обморок.

- Будешь следить там за порядком, как договорились. И главное. Не будь таким ревностным в своём книголюбии. Наоборот, привлекай ребят к чтению. Возьми Берту в помощницы, раз она тоже увлечена литературой.

- Фрау Шульц, вы… - я не смог закончить, так и стоял с полуоткрытым ртом.

- Я очень рада, что вы познакомились с Бертой. Вы оба новички, но ты уже вроде освоился. Приглядывай за ней. Помоги адаптироваться.

- Конечно, я позабочусь о ней!

- Завтра я скажу герру Кнаппу, чтобы он передал тебе ключи. Будешь открывать и закрывать библиотеку.

- Что? И КЛЮЧИ?!

- Конечно, а как ты хотел? Теперь, это зона твоей личной ответственности.

- А можно мы с Бэм… с Бертой, - снова поправился я, - будем читать до семи?

- Да хоть до восьми. Или девяти. Но, чтобы в десять, оба были в постелях. Одно нарушение - и привилегий не будет.

Вот ведь как бывает. Хотел выторговать час, а получил непрошенные ключи от заветных врат.

Одурманенный я вышел из кабинета директора. Прислонился к стене. Странный сегодня выдался день. Начавшись, как обычно, он продолжился стрессом, потом приятным знакомством. И, под конец, завершился необыкновенным чудом.

С тех пор я и Берта, с маниакальным усердием принялись за просветительскую работу. Через год в библиотеке оставалось всего два свободных стула. Для начала, я украдкой присматривался к соседям по комнате, старясь понять, кого и что интересует. Выяснил - Дитрих, без ума от готовки. И мечтает стать поваром. Я насильно притащил его в читальню и снабдил книжкой по кулинарии. Сыскалась у меня и такая. Дитрих же привёл друзей, которым я также подобрал чтение по их интересам. Берта зазвала девчонок. Раздала им, ненавидимые мною, любовные романчики.

Я важничал, корча из себя большого начальника. Завёл картонные карточки на всех посетителей и тщательно записывал, кто, что и когда берёт.

Берта смеялась:

- Маркус и не лень тебе? Ведь всё равно они все здесь читают.

- Бэмби, Ordnung muss sein, - назидательно говорил я, подняв указательный палец верх.

(Ordnung muss sein - нем. поговорка - Порядок должен быть. Рус. аналог - Порядок превыше всего).

Со временем, у Берты родилась одна замечательная идея. Мне она пришлась по вкусу. Я немного доработал её новую концепцию, и вместе мы отправились к отзывчивой фрау Шульц.

Шёпотом, перед директорской дверью, я сказал:

- Бэмби, начну я. Я уже знаю, как с ней надо. Ты потом подхватишь.

Берта заговорщицки подмигнула, лишний раз доказав, что способна не только самоотверженной Гердой спасать Кая, но и, напоследок, подложить Королеве кнопку на трон.

- Фрау Шульц, мы понимаем, что, наверное, слишком злоупотребляем вашим временем и добрым отношением, но вот тут Берта, - я указал на неё рукой, - придумала великолепный план, как расширить кругозор наших читателей, да и в целом, вызвать интерес к литературе, - дипломатично начал я.

Директор широко улыбнулась:

- Краузе, я давно раскусила твои уловки, которые, как тебе кажется, довольно универсальны. Это не так. Они могут работать со сверстниками, может, чуть старше, но не со взрослыми, образованными людьми.

Берта с лукавым укором посмотрела на меня, и сквозь зубы, тихо процедила:

- Говоришь, знаешь, как?… Ну-ну…

Мы стояли на отдалении, и директриса не услышала. Я же почувствовал, что краснею.

- Ребятки, давайте без прелюдий, тем более что я действительно рада вашим инициативам если, конечно, они не идут вразрез с нашим уставом. Но, у меня в самом деле мало времени, слушаю, - посетовала фрау Шульц.

После того, как мою мнимую дипломатию ополоснули в холодных волнах очевидности, я несколько растерялся.

- Бэмби, давай ты, - прошептал я.

Берта приняла удар на себя.

- Фрау Шульц. Мы хотим организовать читательский клуб. Чтобы ученики не только могли приходить в библиотеку, но и проявлять себя творчески. Идея в том, чтобы, допустим, час в день, мы собирались и читали вслух. Недолго. Каждый ученик, по десять - пятнадцать минут. И так по кругу. Мы с Маркусом практикуем это давно. И польза очевидна.

- Великолепно! В чём же проблема? - спросила директор.

Берта незаметно, легонько стукнула меня: твой выход, дипломат.

Кхм, кхм… Прокашлялся я:

- Фрау Шульц, дело в том, что тут-то как раз, основной постулат, заложенный в фундаментальной основе этой идеи, не совсем граничит с уставом, о котором вы упомянули, и вот…

- Краузе, замолчи ради бога! - остановила она меня. - Берта, детка, давай ты. Объясни человеческим языком.

Берта принялась прилежно рассказывать:

- Ребята ходят к нам читать. Время всегда за чтением летит незаметно. Тем более, если человек очень увлечён. Многие негодуют, по поводу столь раннего закрытия. В самом деле, до отбоя четыре часа. Теперь, когда мы независимы от рабочих часов герра Кнаппа, имея ключи, мы вольны изменить правила. Я хочу сказать: этот час мы можем украсть у посетителей, закрывая ещё раньше. С пяти до шести. Но этим мы лишь отторгнем. Либо можем закрывать в своё время библиотеку, и уже с шести до семи проводить собрание клуба. Риски минимальны. Все, кому это по-настоящему интересно придут. Те же, кто будет валять дурака, отсеются, поняв, что обязаны читать вслух. Примерно так.

Фрау Шульц, внимательно выслушав, обратилась ко мне:

- Краузе, скажи, нельзя было это вот так выразить, как Берта? Понятно и просто?

- Да, фрау Шульц.

- Сколько раз я это слышала. "Да, фрау Шульц". Маркус, ты очень рано начал читать "Апологию Сократа".

- Да, фрау Шульц.

Директриса махнула на меня рукой.

- Берта, девочка, попробуйте. Если сработает - моё благословение. И не давай Маркусу серьёзных книжек, он их перечитал.

Берта согласно кивнула.

Выйдя в коридор, я зашипел на неё:

- Бэмби, ты почему переметнулась?

- Ты видел, как она тебя осадила! Кто-то же должен был поднять упавшее знамя!

Я толкнул её в бок - она ответила. Так мы и шли, смеясь, пихаясь и толкаясь, до самой библиотеки.

Импровизация, придуманная нами, сработала. Теперь ученики не только читали, но и проявляли друг к другу интерес. Между ними возникала дружба. А спустя годы, появились и пары. При этом, как ни странно, Берта и я, парой не являлись, даже учитывая то, что мы взрослели. А окружающие считали - наоборот, включая директрису. Мы были друзьями, не более того. Бэмби расцветала, и я не отставал. Но взаимная тяга отсутствовала. Будущее покажет: ей нравились плохиши, а не книголюбы, и мне ещё придётся принять участие в её судьбе. А я ждал ту, которая станет для меня непридуманным солнцем…

KAPITEL ZWEI
(ГЛАВА ВТОРАЯ)
ONKEL ESCHTA, DER KAISER UND DER FRENCHMAN
(ДЯДЯ ЕШТА, КАЙЗЕР И ФРАНЦУЗ)

Я блуждал среди диковинных предметов старины, выискивая взглядом то, что плохо лежит. Витрины были под стеклом, и я справедливо предположил, что там находились самые дорогие вещи. А вот два параллельных ряда стеллажей в центре зала имели свободный доступ к товарам. Наверное, тут пылятся вовсе дешёвые безделушки. Проблема была в том, что я не знал, чего и сколько стоит. Среди прочего хлама я отыскал несколько чайных ложечек то ли серебряных, то ли мельхиоровых. Их тусклое мерцание привлекло моё внимание. Это было единственным, в чём я был уверен. Они наверняка имели хоть какую-то, мало мальскую, ценность. Да и сколько бы не стоили, всё одно - приварок.

Я украдкой огляделся. Посетителей в магазине не было. Продавца также не наблюдалось. Удача сегодня на моей стороне, с воодушевлением подумал я. Протянув руку, осторожно, стараясь не звенеть металлом, я сгрёб ложечки в охапку и спрятал в карман.

Несмотря на привычное ремесло, сердце бешено колотилось. Я никак не мог привыкнуть и при кражах всегда испытывал сильное волнение. Как обычно, сделав отрешённый вид, я собирался покинуть лавку. Но, на выходе замер, как вкопанный. В дверях сидела собака, преградив мне путь. Средних размеров щенок немецкой овчарки. Тем не менее, для меня он представлял угрозу. Всю жизнь я беспричинно, до дрожи в коленях, боялся собак. Почему? Непонятно. Меня никогда не кусали, агрессию в виде безобидного тявканья, я встречал только от мелких никчёмных шавок, наподобие карманных пекинесов. Собака, не отрываясь, внимательно смотрела на меня. По спине пробежала холодная струйка патологического страха. Но выбора не было. Я сделал два мягких шага в её сторону. Пёс зарычал и несколько раз гавкнул. Я снова застыл, цепенея от ужаса.

И тут почувствовал резкую боль. Кто-то, бесшумно подойдя сзади, схватил меня за ухо. Сейчас будут бить, пронеслось в голове. Я приготовился…

Надо мной возвышался мужчина. Первое, что бросалось в глаза это чёрная окладистая борода, а уж потом крючковатый нос и всё остальное. В тот момент я не особо разглядывал лицо, боль отвлекала на себя моё внимание. Отпустив, к моему облегчению, ухо, он взял меня за шиворот и как следует встряхнул.

- Выворачивай карманы, мелкий паршивец! - грозно сказал он.

Я повиновался и, отдав ему ложки, прибегнул к старому способу, в надежде избежать наказания.

- Пустите, дяденька. Я больше так не буду, честное слово, - сквозь фальшивые слёзы, заблеял я.

- Сейчас, сдам тебя в полицию, а потом побеседую с родителями, - пообещал он.

Не сработало. Оставался ещё один вариант. Разжалобить.

- Я сирота. У меня никого нет. Я живу в детском доме.

На продавца мои слова не произвели никакого впечатления. Он продолжал меня встряхивать, как тряпичную куклу, при каждой новой фразе. Но, тон его, тем не менее, смягчился. Надо дожимать и, возможно, удастся вырваться из западни.

- Это не оправдание. За всё содеянное надо отвечать, - назидательно сказал он.

- Пожалуйста, не нужно полиции. Меня сильно накажут. Побьют и оставят голодным.

- Раньше за такое отрубали руки, чтобы не повадно было. Воровством ты, в первую очередь, оскверняешь сам себя, - угрозы перешли в фазу нравоучений - хороший знак. - Не стыдно тебе красть?

В последствии, я ещё не раз напишу об этом: на протяжении всей моей жизни некоторые слова и поступки кардинально меняли направление прямой линии, уготованной мне судьбы, ломая её и поворачивая в нужное, правильное, русло. Наверное, так происходит со всеми людьми. Просто не каждый придаёт этому должного значения, не замечает. Слова те рождались необдуманно, поступки были неосознанными. Всё это происходило самопроизвольно. Как будто кто-то играл мной. Как в шахматы. А вот какой именно фигурой стать на клетчатой доске - уже полностью зависело от меня.

Так случилось и в тот день. Я ума не приложу, откуда в голове десятилетнего мальчишки взялась та фраза. Инстинкт самосохранения? Отрывок, вырванный из книги? Сейчас невозможно сказать наверняка.

- Нужда не знает стыда, - по-прежнему хныча, ответил я.

Взгляд мужчины изменился. Холод уступил место любопытству. Даже, некой, неподдельной заинтересованности. Он отпустил меня.

- Как тебя зовут, уголовник?

- Маркус, - ответил я, размазывая слёзы по грязным щекам.

- Пойдём, умоешься, а то чумазый, как трубочист. Потом решим, что с тобой делать.

Вот же прицепился, не отлипнешь. Ладно, когда отвлечётся - убегу. Главное, чтобы пса не было.

Мужчина проводил меня в подсобку и дождавшись пока я умоюсь, пригласил за стол. Я послушно сел.

- Ешь, - он поставил передо мной тарелку супа.

Дважды мне предлагать было не нужно. Давясь и громко чавкая, я за считаные секунды расправился с угощением. Продавец молча наблюдал.

- Мдааа, - протянул он, - манеры...

- Спасибо, - поблагодарил я и встал. - Дяденька, можно я пойду?

Я понял, что опасность ареста миновала.

- Погоди немного, присядь-ка, - ответил он.

Что ему от меня надо, с тревогой подумал я. Хотел было рвануть к выходу, но вспомнил о собаке и опять сел.

- Как ты уже, наверное, понял, Маркус, в полицию я заявлять не стану. Я хочу сделать тебе предложение. Видишь-ли, дело в том, что мне нужен помощник в моём магазине. У меня нет времени отвлекаться на мелочи.

- Вы хозяин магазина? - перебил я его.

- Верно, - кивнул он.

- А что надо делать?

- Ничего сложного. Следить за порядком. Уборка, помощь в торговле. Ну и главное, смотреть за такими… эммм... как ты, малолетними воришками. Я так понимаю, в этом деле у тебя глаз намётан.

- Извините, - снова перебив, потупился я.

Он пропустил это мимо ушей:

- … и ещё гулять в парке с Кайзером, - закончил он.

- С кем?

- Кайзер! - вместо ответа позвал он.

В кухню прибежала собака. Я застыл.

- Иди сюда, мой хороший, - мужчина потрепал щенка по загривку.

- Знакомься, - сказал он ему, - это Маркус.

- Маркус, это Кайзер.

Пёс подошёл ко мне и стал обнюхивать. Я сидел, весь похолодев.

- Погладь его, не бойся, - подбодрил меня лавочник.

- А не укусит? - с опаской спросил я.

- Теперь, нет.

Преодолевая страх, я погладил щенка. Тот, в ответ, принялся облизывать мою руку, радостно виляя хвостом. Я немного расслабился.

- Ну всё, всё… хватит, - мужчина отогнал собаку и скомандовал, указав на дверь, ведущую в магазин. - Охранять!

Пёс убежал, а я облегчённо вздохнул.

- Ну так что, Маркус, согласен?

- Не знаю, дяденька, я ведь…

- Зови меня дядя Ешта, - поправил он.

- … дядя Ешта, но я свободен только после обеда, до того у нас уроки. А иногда бывают дежурства, тогда я и вовсе не могу.

- Мне это подходит, утром всё равно покупателей не бывает. А дежурства… Что ж, будешь отдыхать от работы.

- А почему я? - задал естественный вопрос.

- Смышлён не по годам, - усмехнулся он.

Предложение было очень заманчивым, но я привык во всём искать подвох.

Я так прямо и спросил:

- А в чём подвох?

Дядя Ешта с грустью посмотрел на меня:

- Абсолютно никакого подвоха. Мои условия предельно прозрачны. Первый месяц работаешь бесплатно. Это не потому, что я жадный. А потому, что, как я уже говорил, за свои поступки надо отвечать. Это, кстати, тебе первый урок. Дальше, если сработаемся, буду платить тебе зарплату. Требование у меня одно. Больше никаких краж и прочей криминальной деятельности. Либо ты хочешь стать человеком, тогда - добро пожаловать, либо нет - и тогда прощай. Крепко подумай, готов ли ты. Но прежде, чем дать ответ, послушай, что я тебе скажу и запомни мои слова: не стыдно родиться в грязи, стыдно оставаться в ней всю жизнь.

И я действительно помнил эти слова до конца своих дней.

Я задумался. Сейчас я свободен и волен делать, что захочу. А вот в случае согласия придётся взять на себя ответственность. Колебался я недолго. Зачем мне такая свобода, на дне сточных канав? И опять же, чувствуется, что здесь будет достаточно сытно. Кроме того, всегда можно уйти при случае. В глубине себя, мне было совестно за такие рассуждения. Но, вины за это я не испытывал. Когда ежедневно, каждое мгновение, борешься за выживание, чувство морали неизбежно притупляется.

- Можно мне сигарету? - попросил я.

Дядя Ешта достал трубку и показал мне:

- Я курю только её. Сходи в зал, там у кассы лежит открытая пачка. Иногда угощаю покупателей. Там же захвати табак.

Я прошёл в магазин. Взгляд споткнулся о марки, выглядывающие из ящичка кассового аппарата. Денег, по моим меркам, было много. Кайзер всё также сидел в дверях, только теперь, если можно так сказать, он улыбался, склонив голову на бок и высунув язык. Я снова посмотрел

на купюры. Да тут минимум на пол года безбедной жизни. Оглянулся. Проход, ведущий в подсобку, был пуст.

Одно цепкое движение, несколько быстрых шагов до двери, потрепать Кайзера и вот я на улице с большим кушем в кармане. Я даже представил в уме все эти действия. Зажмурившись, я прогнал от себя навязчивое видение и поборол искушение. Взяв сигареты и коробочку с табаком, скрепя сердце, вернулся назад.

- Там это… у вас касса открыта. Деньги торчат. Украдут, - уведомил я дядю Ешту, протягивая табак.

- В самом деле? Ну, вот, видишь, считай, ты уже приступил к работе. Ничего сложного, - сказал он. - Там Кайзер, ЧУЖИМ не позволит.

И тут я понял! Он намеренно сделал акцент слове «чужим». Это значило, что мне бы пёс ничего не сделал. Я теперь «свой». Это была проверка!

- Вы специально это подстроили? - прямо спросил я, глядя, как дядя Ешта неторопливо набивает трубку.

- А ещё спрашиваешь, почему я выбрал тебя. Говорю же - смышлёный.

- Зачем? Не доверяете? - вскинулся я, и тут же подумал, что как раз то причин доверять мне у него нет.

- Дал тебе возможность выяснить степень искренности, прежде всего, перед самим собой, - спокойно ответил он.

Тогда, в силу возраста, я не мог оценить масштаб тех слов. Только повзрослев, я осознал всё их значение.

- Это тебе урок второй.

Дядя Ешта раскурил трубку, я выщелкнул сигарету. Полупустую пачку положил на стол.

- Можешь взять сигареты себе. Я, конечно, не должен способствовать твоему курению, но и запретить не могу. А даже если и запрещу, ты ведь всё равно не перестанешь. Так ведь?

- Да, - согласился я. - У нас в приюте все курят. Даже девочки. Правда, если поймают с сигаретой, намазывают рот мылом. Но, это никого не останавливает. Наоборот. Курят ещё больше. Назло.

- Известная аксиома. Любое насильственное действие, ведёт к ещё большему противодействию.

Я не знал, что такое «аксиома», но спрашивать не стал, дабы не выглядеть тупым. Мне не хотелось терять расположение этого человека. Это был первый взрослый, после фрау Шульц, который проявил ко мне интерес и разговаривал со мной на равных, а не как с ребёнком или грязным оборванцем.

Докурив, я подошёл к дяде Еште и протянул ему руку:

- Я согласен.

Он встал и с серьёзным видом, без какой-либо иронии, опять же, крепко, по-взрослому, пожал мне руку.

- Рад, что ты сделал правильный выбор, - деловито сказал он. - Но учти, права на ошибку у тебя нет. Завтра приходи, как сможешь. Начнём сотрудничество.

- Спасибо! - сказал я, и пошёл к выходу.

- Маркус! - окликнул дядя Ешта.

Я обернулся.

- Умеешь играть в шахматы?

- Нет.

- А хочешь научиться?

- Не знаю, - пожал я плечами. - Наверное.

Потеребив за ушами добродушного Кайзера, я вышел на улицу. В свете новых событий серая, ничем не примечательная, х-штрассе показалась мне залитой солнцем.

Так, я встретил своего первого учителя.

В ту ночь я несмотря на то, что дал согласие, проворочался в койке, скрипя пружинами, взвешивая все «за» и «против». Утром, на завтраке, поделился с Бертой.

- Ты ведь обещал больше не воровать.

- Так случайно получилось. Не об этом речь. Бэмби, как мне поступить?

- Как, как. Ты же согласился. И потом, это отличный шанс что-то изменить.

- Думаешь?

- Уверенна.

- А как же библиотека?

- Перед уходом будешь открывать, возвращаться - закрывать. А днём я уж присмотрю. Или ключи мне оставляй.

- А читать?

- Ну, чем-то надо жертвовать. Да и почитать ты всегда успеешь.

Я прислушался к её совету и, как только закончились уроки, отправился на новую работу.

Дядя Ешта был глубоко верующим евреем. Часто посещал синагогу. (Но, к счастью, он не был настолько ортодоксален, чтобы носить эти жуткие пейсы, которые меня беспричинно раздражали). И хотя был зажиточным антикваром, вёл довольно скромный образ жизни. Семьи у него не было, не знаю почему, я никогда его об этом не спрашивал, считая этот вопрос некорректным. Жил он тут же, при магазине. На втором этаже у него имелась просторная квартира, в которую вела лестница из уголка торгового зала. Клиентура у дяди Ешты была солидная. Сплошь зажиточные бюргеры. Но были и простые зеваки, заходившие в магазин за различными сувенирными побрякушками. Именно для них были сделаны центральные выставочные стеллажи. Такие посетители были фронтом моей работы, так как в настоящем антиквариате я ничего не понимал. Дядя Ешта объяснил мне, как работать с людьми, как правильно торговаться и как сделать так, чтобы покупатель, уходя, испытывал чувство полного удовлетворения, абсолютно уверенный в том, что смог обмишулить продавца. Со временем, я умудрялся продавать совершенно бестолковые вещицы втридорога.

На мой вопрос честно ли это, дядя Ешта отвечал:

- Это свободный рынок. Мы никого не обманываем. А всего лишь назначаем ту цену, которую покупатель готов заплатить. Основа экономики, как науки. Спрос рождает предложения. Я не продаю картину местечкового художника, уверяя, что это работа кистей Рембрандта. Но, восхваляю талант написавшего её творца. Клиент прекрасно видит, что приобретает.

- Чем же такая наука отличается от воровства? - наивно спросил я.

- Маркус, экономика это узаконенная спекуляция. Купил за марку, продал за две. Если очень поверхностно.

- Так просто?

- Нет, конечно. Я утрирую, - произнёс он ещё одно незнакомое слово. - Но, сейчас это всё, что тебе надо знать об этом. Экономика непростая наука, в двух словах не расскажешь.

- А разве спекуляция это хорошо?

- В данном контексте, да. Например, биржевых трейдеров, торговцев акциями официально называют «спекулянтами», но, это не оскорбительный термин. Попробую объяснить простыми словами. Допустим, государство добывает железную руду и тратит на это одну марку. Затем, платит ещё одну марку рабочему, чтобы тот изготовил из железа, предположим, сковородку. И так дальше. Звеньев у этой цепи много. Но, остановимся на двух. Получается, что государство потратило всего две марки на конечный продукт. По-твоему, оно должно продать тебе сковородку за эти две марки? Нет. Оно продаёт её тебе по спекулятивной цене, за четыре. Чтобы получить прибыль, которая пойдёт на дальнейшие инвестиции, зарплаты, содержание армии и прочее, и прочее. А спекуляцию в негативном смысле, для твоего понимания, можно назвать просто: чёрным рынком. Знакомо тебе такое понятие?

- Конечно, - с чувством неуместной гордости, ответил я.

- Это такой же социальный институт, но, только теневой экономики в части незаконного обращения товаров и услуг. Чёрный рынок подчиняется тому же закону спроса и предложения. Его отличительной чертой является отсутствие в нем прямого государственного регулирования.

- То есть, если мы торгуем картинами это хорошая спекуляция. А если чем-то запрещённым, то это спекуляция плохая, так?

- Не совсем. Мы торгуем картинами из частных коллекций. Один владелец продаёт другому коллекционеру своё имущество. Мы с тобой - посредники. И платим налоги. А вот если мы будем продавать полотно, украденное из музея Дрездена, это уже будет «плохая» спекуляция. Понял?

- Не совсем, но я разберусь, - пообещал я.

- Не торопись, Маркус, сразу узнать всё и обо всём. Для тебя это ещё пока слишком сложно. Со временем, знания сами придут к тебе.

Также, дядя Ешта учил меня играть в шахматы. Когда выдавалась свободная минутка, мы усаживались, нависая над доской, и вели чёрно-белые сражения.

- Шахматы это не просто игра, - говорил он, - шахматы это философия.

Иногда, наши партии растягивались на несколько дней. Мы часами могли продумывать свои ходы, строя друг другу интеллектуальные ловушки.

Кроме покупателей к дяде Еште часто заходили малоимущие. «Просители», как я их называл. Бедняки чуть-ли не бесконечной вереницей тянулись к нему. Он всем им одалживал деньги, записывая в тетрадочку кому, когда и сколько. Каково же было моё удивление, когда я узнал, что делал он это безвозмездно. Всё это, конечно, выглядело благородно, но, по моему мнению, глупо. И мне стало обидно за него. Со стороны казалось, что его используют.

Не выдержав, я, с нескрываемым негодованием, как-то сказал:

- Дядя Ешта почему ты не берёшь проценты? Они же все пользуются твоей добротой. Нашли дурачка!

- Как тебе объяснить. Понимаешь, эти люди находятся за чертой бедности и еле держатся на плаву. Я не хочу делать их ещё беднее, топя в трясине этого болота. Для этого есть государство и банки. А мне важно, чтобы все граждане нашей страны имели возможность достойной жизни. Все они находятся на грани отчаяния. Поэтому я им помогаю. От их процентов я не стану богаче. Но если смогу спасти кого-то, значит не зря прожил жизнь.

- Дядя Ешта, ты меня извини, но ты какой-то неправильный еврей.

Он засмеялся.

- Маркус, это заблуждение, будто все евреи только и делают с утра до вечера, что чахнут над златом. Это далеко не так. Неважно кто ты. Еврей, христианин, мусульманин, немец или поляк. В первую очередь надо оставаться человеком. Надеюсь, став постарше, ты меня поймёшь. И правильно усвоишь этот урок.

Я несколько дней размышлял над этим, а потом махнул. В конце концов, дядя Ешта мудрый человек и лучше меня знает, что делает.

Как-то раз, когда я только пришёл на работу, дядя Ешта спросил меня:

- Маркус, ты знаешь какой сегодня день?

- Четверг.

- Я не об этом. Какое сегодня знаменательное событие?

Я подумал, но ничего в голову не приходило.

- Не знаю.

- Сегодня у нас с тобой круглая дата. Юбилей. Ровно год совместной работы. И я очень доволен результатами. Поэтому вот. От меня подарок. Он протянул мне свёрток:

- Держи.

- Спасибо! - удивлённо сказал я. - Что это?

- Открой.

Я разорвал обёртку. Внутри лежала новенькая книжка. На обложке написано: «Айвенго». Вальтер Скотт. Я раскрыл книгу, понюхал свежий типографский шрифт, пролистал страницы. Кроме текста, она была снабжена множеством цветных иллюстраций с за́мками, рыцарями и их прекрасными дамами. Когда я прочитал её, то твёрдо решил, что, если у меня родится дочка, я обязательно назову её Ровéна, так мне понравилось это имя.

(После публикации романа в 1819 году, англосаксонское имя Ровена действительно стало очень популярным).

Думаю, что именно с тех самых пор, я и заразился вирусом, увлечением всей моей жизни - историей средневековья.

- Нравится? Ты же у нас библиотекарь и известный книголюб, - улыбнулся дядя Ешта.

- Спасибо! - повторил я. - Очень!

Я шагнул ему навстречу и обнял. Он потрепал меня по волосам.

- А у меня нет для тебя подарка! - поднял я голову.

- Так и не надо. Твой подарок это помощь мне. Без тебя я не сделал бы и трети того, что смог, за последнее время.

- Неужели прошёл целый год? - удивился я, и ошеломлённо заметил, - дядя Ешта, это ж получается, что я ровно год не воровал!

Он усмехнулся в свою пиратскую, как я её называл, бороду:

- Получается так. Вот и ещё один подарок сыскался. Два один в твою пользу. Не тянет на приключения?

- По правде сказать, нет. Бывает, иногда заметишь что-нибудь не прибитое гвоздями. Промелькнёт мысль, рука потянется. Сердце начинает заходится. У меня так всегда бывало при кражах. Чуть не до обморока. И вот его-то ритм и сбрасывает предательскую пелену соблазна. Но, знаешь, я при этом совсем не испытываю внутренней борьбы. Не чувствую ничего, кроме облегчения.

Дядя Ешта одобрительно посмотрел на меня:

- Маркус, тебе впору не «Айвенго» читать, а Эммануила Канта. Откуда ты берёшь эти слова? Их форму изложения, в одиннадцать лет?

- Не знаю. Наверное, из памяти. У нас в интернате очень скудная библиотека. Легко выучить.

- Ну, что ж. Память - это писарь твоей души, как сказал Аристотель, - произнёс он задумчиво.

- А кто это?

- Был такой философ и писатель в Древней Греции.

- Не слышал о таком.

- Маркус, ты своди-ка меня на неделе к вашему директору.

- Зачем?

- Побеседую…, - двусмысленно ответил он.

- Хорошо, отведу.

- А знаешь, что! Раз у нас сегодня праздник, давай устроим выходной. Ты победитель, выбирай, чего бы хотел?

- Всё, что захочу?

- Да.

- А можно карусели и мороженное?

Несмотря на свою вынужденную, в те годы, взрослость, мне хотелось яркого детства. Обыкновенной человеческой заботы. Цветных воздушных шариков. Сладких конфет и вкус-

ного торта. Дети послевоенной, разорённой Германии рано взрослели, оставаясь, тем не менее, детьми.

Закрыв магазин, мы втроём отправились в парк аттракционов. На поводке я вёл, радостно повизгивающего, Кайзера. За этот год мы с ним очень сдружились. Гуляя, мы играли и дурачились, валяясь в траве. Мне даже удалось обучить его нескольким командам. Удивительно, но при этом я так и не смог победить свою фобию, по-прежнему до смерти боясь собак.

Тот день стал для меня незабываемым. Потеряв счёт времени, я в восторге бегал от одной карусели к другой, не веря в то, что это происходит наяву. Пока я катался, Кайзер жалобно скулил, пытаясь сорваться с поводка, очевидно думая, что я кричу от страха, а не от нахлынувшего счастья. Дядя Ешта успокаивал его, теребя за ушами. Когда я возвращался, пёс опрометью бросался ко мне, упираясь передними лапами в грудь стараясь лизнуть лицо. Я едва мог устоять, Кайзер очень подрос и уже не был щенком. Это была взрослая овчарка, одним своим весом способная сбить человека с ног.

Отдыхая в уютном парке, мы угощались мороженым и сахарной шерстью. (Нем. Zuckerwolle - так в Германии называют сахарную вату). Я звонко смеялся, видя, как сладкие, шёлковые нити, серебряной паутиной покрывают угольную бороду дяди Ешты, окрашивая её благородной старческой сединой.

Катаясь на очередном аттракционе, я заметил, как дядя Ешта нагнулся, что-то поднял с земли и убрал в карман. Подбежав к нему, я с любопытством спросил:

- Что ты нашёл?

Он показал. На ладони лежала монетка в десять пфеннигов.

- Понятно, - разочаровано сказал я, не придав этому значения.

Обыкновенная монетка, ничего особенного.

Но, как потом выяснилось, это была его привычка, которая вызывала у меня оторопь. Если дядя Ешта находил, случайно обронённую кем-то монетку, то непременно поднимал её. С моей точки зрения это выглядело, мягко говоря, странно. Солидный человек, в кашемировом пальто с меховым воротником, в дорогой, до блеска начищенной, обуви (касаемо гардероба дядя Ешта был по-немецки педантичен) подбирал ничего не стоящую мелочь. Не то чтобы улицы Мюнхена были вымощены монетами, но всё же наш город был достаточно большой и вероятность такой находки существовала, особенно, если заострять на этом внимание.

Я однажды спросил его:

- Дядя Ешта, зачем ты подбираешь мелочь на улице, словно нищий?

Его ответ лишил меня дара речи. Своей эмоциональной перенасыщенностью. Абсолютной, математически выверенной логичностью и, в то же время, полной непредсказуемостью. Неподдельным фактом патриотичности, заставляющим утонуть разум в глубине этой вселенской мудрости.

Он достал монетку и показал мне её аверс:

- Смотри, Маркус, здесь изображён имперский орёл. Это - герб нашей страны. Он не должен валятся на земле.

Я оцепенел… Только минут через пять, придя в себя, я снова задал вопрос:

- А если бы это была монетка нового образца, со снопом колосьев пшеницы?

- Тем более. Посмотри, на реверсе такой монеты надпись: DEUTSCHES REICH. (Германское государство). А отчеканенный на аверсе сноп, о котором ты говоришь, символизирует трудолюбие и прилежание свойственные нам, немцам. Столп, основа и суть нашей нации. Немецкого самосознания. Это также не должно лежать под ногами.

Я, конечно, тоже подбирал мелочь, если находил. Но, по другим причинам и всегда испытывал жуткий стыд. Теперь же, я делал это с гордостью. Если, при этом, кто-то смотрел на меня с пренебрежением, я больше не прятал взгляд, а смотрел открыто, с вызовом.

Наш праздничный выходной пролетел, как одна секунда. Всей своей душой я желал, чтобы этот день не кончался. Но время было неумолимо. Дядя Ешта с Кайзером проводили меня до интерната. По дороге мы зашли в кондитерскую, где дядя Ешта купил коробочку пирожных.

- Угости своих товарищей, - сказал он.

Я шёл по парковой дорожке к приюту, а дядя Ешта и Кайзер, стоя за кованной решёткой главных ворот, смотрели мне вслед, ожидая пока я войду в здание. Кайзер тревожно метался из стороны в сторону и по своему обыкновению скулил видя, как я ухожу. Взойдя по ступенькам к массивным деревянным дверям, я обернулся и помахал им рукой. Дядя Ешта ответил, а Кайзер гавкнул. Я дёрнул дверь и скрылся внутри.

****

На следующей неделе дядя Ешта действительно пришёл ко мне в детский дом и попросил проводить к директору. Я познакомил его с Бертой, а потом отвёл к кабинету фрау Шульц:

- Только я не смогу тебя подождать. У нас сейчас уроки.

- Не страшно. Иди занимайся, я уж разберусь.

- А о чём ты с ней хочешь поговорить?

- Деловые вопросы, не переживай.

Оказалось, дядя Ешта пожертвовал нашему приюту денежные средства на обновление библиотеки. Подаренной суммы хватило и на новые учебники, и на художественную литературу.

Берта сияла от счастья, бережно расставляя новинки по стеллажам. А в глазах всего преподавательского состава я выглядел чуть ли не героем. Фрау Шульц даже предложила освободить меня от дежурств. Конечно, это было лестно и соблазнительно, но, подумав, я решил отказаться, полагая, что это может негативно отразится на отношениях внутри моего коллектива. Любимчиков нигде не жалуют. Мне вполне хватило того, что в первое время частенько приходилось кулаками доказывать - я не выскочка и не зубрила, а просто люблю учиться и читать. Единственное, о чём я попросил, не ставить мои дежурства на выходные дни, чтобы иметь возможность проводить больше времени в магазине.

- Если будет что-то нужно, сразу обращайся, - сказала мне фрау Шульц.

Через некоторое время, я, воспользовавшись этим, выторговал себе ещё одну поблажку. Это была обычная практика, не бросающаяся в глаза. Некоторых детей на выходные забирали родственники, если таковые имелись. Например, та же Берта уезжала к отцу. Конечно, остальные воспитанники завидовали, но радовались каждое воскресенье, когда лакомились настоящей домашней едой.

- Маркус, да я буду только рад! Будем с тобой разжигать камин по вечерам и играть в шахматы - сказал мне дядя Ешта, когда я спросил его про возможность ночёвки в выходные.

- Вот только разрешат ли тебе? Ведь я не являюсь твоей роднёй.

- Разрешат, я почти уверен. С тех пор, как ты подарил нам библиотеку, я на привилегированном положении, - не без гордости, заявил я.

Дядя Ешта усмехнулся:

- Хорошо, раз так.

Я обратился к фрау Шульц с этой просьбой.

- В твоём случае сделаем исключение. Но только при условии, если твой дядя Ешта будет звонить мне и подтверждать, что ты действительно находишься у него, а не болтаешься по подворотням, - благосклонно согласилась она.

Теперь, каждые выходные, с субботы на воскресенье, я оставался ночевать у дяди Ешты. Наслаждаясь теплом огня и потрескиванием сухих дров, мы вели наши партии, устроившись в

креслах-качалках. Поэтому я до сих пор обожаю камины, считая их самым уютным элементом интерьера.

А ключи от библиотеки на выходные дни мы с Бэмби доверяли Дитриху.

****

Поздней осенью тысяча девятьсот двадцать седьмого года произошло одно знаковое событие, которому, невероятным образом, будет суждено повлиять на мою жизнь. Гуляя по улицам Мюнхена, я встретил паренька - француза. Он вместе с классом приехал на экскурсию в наш город из Парижа. Звали его Андре. На вид он был моим ровесником, но, гораздо ниже ростом и представления об окружающем мире имел совершенно наивные, детские, как и положено в этом возрасте. Андре отстал от своей группы и заблудился. Я помог ему отыскать их отель. Паренёк прикипел ко мне и бегал за мной, как привязанный, надоедая с расспросами: а как, а что, а почему, а зачем. Был даже момент, когда я пожалел, что связался с ним. Я познакомил его с дядей Ештой. Все три дня, пока их группа была в Мюнхене, он после обеда приходил к нам в магазин и болтался под ногами. А по вечерам мы с ним выгуливали Кайзера. Малец не переставал сыпать историями про своих любимых индейцев. Когда я пришёл провожать Андре, он расплакался, не желая расставаться. Я утешал его, как мог. Мы обменялись с ним адресами для переписки. И он пригласил меня в гости, в Париж. Я тогда подумал, ага сейчас, только дойду до автобусной остановки и сразу же приеду. А вслух, конечно, клятвенно пообещал ему, что обязательно навещу. Хотя он и утомлял меня, я ощутил лёгкую грусть, когда Андре уехал. Забавный был паренёк. Если быть до конца честным, я завидовал его детству. Но мы, чуть позже, ещё вернёмся к этой истории…